

Екатерина САДУР
ОСТРОВА БЛАЖЕННЫХ...

(пьеса в двух актах).

Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божьими нарекутся.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

НАТАША, она же **ОЛЬГА** в прошлом, – русская певица – 35 лет
ГАРОЛЬД, он же в прошлом **ГАРОЛЬД**, – контрабасист – 40 лет
ДИМИТРИЙ, **МИТЯ**, русский пианист – 37 лет, персонаж из прошлого **ОЛЬГИ**
МАРТИН, ударник – 23 года, тоже персонаж из прошлого **ОЛЬГИ**

(Действие происходит в Берлине 1933-го года, и в наши дни, в маленьком баре Шарлоттенбурга, или по-русски, по-эмигрантски Шарлоттенграда, называемым во все времена «Остров радости».

Все монологи в пьесе можно исполнять, как речитативы или петь).

25 февраля – 9 апреля 2014, Берлин

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ НАТАША БУДЕТ ПЕТЬ ПО-РУССКИ.

Картина первая.

Утро. Наши дни. Пустой бар «Остров радости». Несколько столиков, на которых стоят перевёрнутые стулья. На стойке бара – в ряд вчерашние недопитые стаканы – три или четыре. Посетителей было немного. Деревянный свежeweымытый пол. С одной стороны сцены старое, разбитое пианино, с другой – ударная установка. Небритый, в закатанных джинсах, не в самой свежей рубашке, но всё ещё красивыйбасист Гарольднастраивает контрабас, сидя на стуле, босиком...Звуки настройки. Звуки утра. Шаги в квартире наверху. Скрип половиц. Возможно, наверху что-то уронили – звон разбившегося стекла. Диалог контрабаса и просыпающейся квартиры...Кто-то снаружи открывает дверь ключом. Гарольд не оборачи-

вается. Он полностью поглощён инструментом... Входит заспанная, в пижаме, Наташа. Её квартира прямо над баром. Каждое утро она спускается вниз приготовить кофе. Это их давний обычай. Наташа медленно идёт к стойке, она босиком, как и Гарольд. Они даже не смотрят друг на друга – у каждого своя жизнь. Им и не нужно смотреть, им нужно только слышать: Наташа чутко реагирует на звуки контрабаса. Гарольд заиграл. Наташа тут же замерла, оставив чашку с кофе.

Задняя стена бара – это самодельный бархатный занавес. Занавес задёрнут. В «Острове радости» своя сцена, на которой изредка выступают.

Гарольд играет «Спи, моё бедное сердце...». Наташа вслушивается, потом подходит к нему. Поёт.

Диалог её чудесного голоса и контрабаса.

(Пауза)

ГАРОЛЬД. Ты проснулась, да?

НАТАША. Нет...

ГАРОЛЬД. Кофе?

НАТАША. Как всегда самый дешёвый?

ГАРОЛЬД. Наташ, я ж для тебя самый хороший покупаю...

НАТАША (отпивает из чашки) А правда... (пауза) Гарольд, я не спала всю ночь...

ГАРОЛЬД. Опять?

НАТАША. Их там столько, Гарольд... Ты бы видел! Писем, нот, дневников...

ГАРОЛЬД (вежливо) Я видел...

НАТАША. Ну, да... С порога моей комнаты... А я читала их до утра... я же читаю ноты, как книги... и письма Ольги, как книги... и её фотографии, как кадры из старого кино...

ГАРОЛЬД. Напрасно.

НАТАША. Ты не понимаешь...

ГАРОЛЬД. Всеми своё время.

НАТАША. Но...

ГАРОЛЬД. Но этой музыки больше нет, Наташа, как и старого кино... Это – нафталин...

НАТАША. Мы можем попробовать... Мы должны...

ГАРОЛЬД. Кто – «мы»?

НАТАША. Мы снова выступим... с новой программой... Только ты и я, как раньше.

ГАРОЛЬД. Нет, что ты! Я больше не музыкант... Разве ты ещё не поняла? Не поняла за всё это длинное время?

НАТАША. Но времени нет, Гарольд... Твои слова. Я только повторила... И ты музыкант. Ты знаешь...

ГАРОЛЬД. Что ты, птичка! Что ты! (смеётся) У меня есть бар «Остров радости», и я живу его интересами. И ещё – у меня есть контрабас, как воспоминание о том, чем я жил когда-то... И сейчас я бармен из «Острова радости», играющий на контрабасе... И мне это нравится! Иногда я даже выступаю вот на этой самой сцене. Мне аплодируют... и после закрытия остаётся какая-нибудь милая девочка... И мне снова это нравится... И я очень доволен своей жизнью в Берлине!

НАТАША. Девочка Эльке?

ГАРОЛЬД. Нет, Эльке больше не остаётся... Она уехала с французом. Её, наконец-то, взяли в кордебалет.

НАТАША. И ты грустишь?

ГАРОЛЬД. Не очень... (почти равнодушно) Мне нравится жить спокойно.

НАТАША. Гарольд, но ты даже не представляешь, сколько всего я нашла у Ольги! Я хочу повторить хотя бы один или два её концерта...

ГАРОЛЬД. А зачем?

НАТАША. Да если бы ты только знал, какая она!

ГАРОЛЬД. ... была...

НАТАША. ... была...

ГАРОЛЬД. Она была хороша...

НАТАША. О, да!

ГАРОЛЬД. ...хороша для своего времени... Русская певица в Берлине. Трогательно-красивая мода, тревожная музыка, до смешного обострённые чувства – малейший шаг в сторону и сразу же – безнадёжный провал в пошлость...

НАТАША. Это не Ольга. Это девочка Эльке, которую недавно взяли в кордебалет...

ГАРОЛЬД. Это неважно...

НАТАША. У Ольги был голос... чу - дес - ный... *(что-то напела в пол силы. На мгновение Гарольд заслушался, но тут же вздрогнул, как проснулся, как потряхнул наваждение).*

ГАРОЛЬД. И это неважно тоже... Любая певичка того времени с выщипанными бровями пусть даже не с голосом, просто – с голоском, вызывает сейчас точно такие же чувства...

НАТАША. Но Ольга не «любая певичка»... в ней – тайна... *(тихо)* Я просто не знаю, как ещё тебе объяснить... Мне не хватает слов...

ГАРОЛЬД. Тайна в том, что ты хочешь вернуться в меха своей русской бабки, спеть по её нотам и повторить её успех... А публика уже сыта надушенными боа и сентиментальным танго...

НАТАША. Гарольд, мы сделаем всё по-другому... Гарольд, ты очень хороший музыкант! Ты сможешь снова...

ГАРОЛЬД. Уже не смогу...

НАТАША. Но я прошу тебя. Я умоляю. Я не сплю ночами... Ты слышишь?

ГАРОЛЬД. Да...

НАТАША. Мы снова выйдем на сцену вместе, как раньше... Только ты и я... И у нас снова будет успех. Ты слышишь?

ГАРОЛЬД. Да...

НАТАША. Скажи ещё раз «да» ... *(тихо)* Хочу, чтобы ты повторил... *(пауза)*

ГАРОЛЬД. Ты напрасно не спишь ночами, Наташа! Я всегда боялся успеха. Он меня утомлял... *(пауза)* Вот свеча, знаешь? она очень быстро, очень ярко сгорела, и только крошечный остаток фитиля плавает в парафине и долго, медленно тлеет... Так это – я... Я слишком стар для несбыточных планов. Я сгорел.

НАТАША. Я не верю тебе.

ГАРОЛЬД. Займись чем-нибудь, птичка. В Штац-опере идут прослушивания. Им нужно кого-то на замену в хор. В третий состав. И у тебя – неплохие шансы.

НАТАША. Я не девочка Эльке из кордебалета. Не так всеядна.

ГАРОЛЬД. А, знаешь, - напрасно! Это не самое худшее место в Берлине.

НАТАША. Скажи, а твоей девочке Эльке уже стукнуло 35?

ГАРОЛЬД. Она больше не моя девочка... Но и это неважно.

НАТАША. А кстати, басиста Ольги тоже звали Гарольд!

ГАРОЛЬД *(смеётся)* Тут, конечно, нечего возразить! Ты меня убедила... Но я больше никогда не буду выступать с тобой, Наташа... Прости...

НАТАША. Правда?

ГАРОЛЬД. Сказал бы «да», да и это неважно...

НАТАША. А знаешь, единственное, что важно?

ГАРОЛЬД. Ну? Что?

НАТАША. Весь твой театр назывался: «Хотел, но боялся...». А все твои занятия музыкой - это тлеющая лужа парафина...

ГАРОЛЬД. Может и так...

НАТАША. Так и оставайся в обнимку со своим соло... со своим контрабасом... *(идёт к выходу. Резко оборачивается)*. И кофе твой – полная дрянь! *(хлопает дверью)*.

ГАРОЛЬД. Может и так... *(заиграл ей в след пронзительное джазовое соло, из которого мы видим – Наташа права – он прекрасный музыкант)*.

Картина вторая

Тот же бар.

Гарольд, играющий соло.

Сколько времени прошло, мы не знаем, но, судя по сумеркам, наступил вечер.

Сухо, чопорно и строго входит Димитрий, классический пианист в безупречном, правда, единственном костюме. Сухо усаживается за пианино и принимается играть классику, накладываясь на соло басиста.

Вскоре появляется ударник Мартин, ярко, кричаще одетый, как джазист 30-ых. Он подходит к установке и отчаянно, с отдачей, с удовольствием барабанит, накладываясь диссонансом на другие инструменты.

Музыкальный хаос нарастает, но не складывается в целое. Посреди этого хаоса, как одна из его частей, входит Ольга, русская певица, сбежавшая в Берлин после революции. На ней изумительно красивое платье и меха. Всё это – призраки прошлого....

Хаос обрывается.

Пауза.

Яркая вспышка света. Медленно, лирически вступает пианист. Ольга поёт. Следом подхватывают басист и ударник.

Затем пианист Димитрий с одной стороны, ударник Мартин – с другой – раздвигают занавес «Острова радости»: на сцене около круглого стола опрокинуты венские стулья. Низко нависающий абажур эпохи югент-штили над столом освещает откупоренные бутылки, недопитые бокалы вина, дымящиеся окурки в пепельнице и увядающие в вазах цветы... Отсюда только что ушли...

Картина третья

Прошлое. Берлин. Трое - Ольга, Мартин и Димитрий - на сцене «Острова радости». Возможно на стойке патефон и ящик с пластинками, а на стенах – несколько плакатных картин Отто Дикса. Огромный, на всё небо, багровеет закат в открытых окнах... Всеобщее оживление. Веселье. Бутылки вина. Шампанское. Фоном играет заведённый патефончик, что-то вроде: «Nurnichtaus Liebe Weinen».

Гарольд из нашего времени наблюдает за ними, как зритель, за упоительной сценой из спектакля...

Позже появляется Гарольд – персонаж из прошлого Ольги. Это один и тот же актёр, которому совершенно не обязательно переодеваться.

ДИМИТРИЙ. Берлин 33-его года напоминает мне древний Рим времён императора Нерона. Вы только посмотрите на эти окна...

МАРТИН. Закат...

ДИМИТРИЙ. Нет, дружище, это Берлин горит на востоке... Уж ты мне поверь! Я много раз видел, как горят города... Кстати, неплохое вино пьём сегодня! Что тут у нас? (*подносит бутылку к свету, чтобы прочесть надпись на этикетке*).

МАРТИН. «Амороне»... под него очень хороши сыр и холодная телятина... Кстати, там на кухне – есть немного... Кто-нибудь хочет?

ДИМИТРИЙ. Я – русский человек. Православный... не едим мы телятину в Великий Пост... перед Пасхой...

ОЛЬГА (*смеётся*) Зато пьём красное вино...

ДИМИТРИЙ. Грешен, Лёлочка, каюсь! (*Мартин и Ольга сидят рядом, напротив Димитрия. В их движениях, в их взглядах друг на друга заметен лёгкий флирт. Ольга, как бы случайно роняет салфетку. Мартин мгновенно её поднимает. Димитрий мрачнеет.*) «Амороне», говоришь? А славно сидим сегодня...

ОЛЬГА. А где Гарольд?

МАРТИН. Он всегда опаздывает... Ты должна привыкнуть!

ОЛЬГА. К чему я должна привыкнуть, дорогой?

МАРТИН. К тому, что Гарольд такой... (*смущённо*) непостоянный... что его ждать приходится...

ОЛЬГА (*смеётся, открыто его разглядывает*) Ты, конечно, очень красив, Мартин, но женщина никогда не должна ждать, потому что время – мгновенно... Ак Гарольду привыкнуть невозможно. И знаешь почему?

МАРТИН. Почему?

ОЛЬГА. Он всегда умеет рассмешить.

МАРТИН (*холодно*) Хорошо, Ольга, времени нет... Это так же очевидно, как сегодняшний закат за окном.

ДИМИТРИЙ (*разнузданно*) А это не закат вовсе! Это отсветы от пожара... (*подходит к окну*) Разве вы не видите? Никто из вас? Опять этот город горит... Наверное, это очень по-немецки – подражать древнему Риму...

МАРТИН. Нет... (*обнимает Ольгу*)

ОЛЬГА. А Митька наш напился...

ДИМИТРИЙ. Даже если и так, что с того? Я не стыжусь своих чувств! «...полузабытая отрада... ночной попойки благодать... глотнёшь, и ничего не надо... глотнёшь и хочется опять...» -

вот написал же мой приятель Ходасевич в Париже, да... Тогда казалось, что – шутка, теперь понимаю - на века... Странное время наступило. Смерть и радость нынче в кровном родстве... Наверное, это тоже – очень по-немецки...

МАРТИН. Нет... Это просто берлинская зима. Долгие изнурительные закаты. Особенно хорошо их видно из Шарлоттенбурга.

ДИМИТРИЙ. А я говорю Ходасевичу: «На дворе 21-ый год... горят города..» - А он мне: «Пусть горят... Нам же светлее жить!» А я – ему: «Почему?» А Ходасевич злой такой, красивый, его женщины любили: «Ты, главное, друг, не думай. Ты, главное, играй, а я буду читать, потому что наша жизнь – это игра. Игра в серсо. Скорость и вечный флирт со смертью...» Я не всегда понимал его шутки. Просто делал, как он просил и вспоминал иногда, как играл в России последний раз, совсем мальчишкой, (*Мартину*) как ты, малыш... Вот помню, зима, но почему-то тепло, снег тает, а в доме открыты окна... Я за роялем играю Рахманинова... И почему-то смутное, сладковатое беспокойство. И мама моя, Царствие ей Небесное! - в первом ряду сидит, а я совсем как в детстве, думаю – вдруг я плохо играю, вдруг ей не по нраву. Я, ведь, друзья, никогда в жизни не встречал женщины красивее, чем она. Разве только тебя, Лёлечка... И тут прямо во время концерта она подходит к окну и громко так говорит: «Смотрите, зарево!» А она – рыжая была... Елена Николаевна... Сияющий застывший огонь... И все сразу же за ней подошли к окну... а я же играю... и не знаю, как поступить, то ли играть дальше, то ли подойти вместе со всеми... А людей у окна всё больше и больше... Они волнуются, что –то говорят, а я – не различаю, и только мама моя повторяет: «Зарево...». И я тогда встал у окна вместе со всеми... (*пауза*) А там - как будто бы – огромный белый крест в прозрачном красноватом свечении посреди ночи, и странное такое гудение. А колокол на колокольне мягко, почти ласково звонит... Потом я понял – это дерево совсем близко объято огнём, и гудит пламя... И я решил: пылают палисад, но ошибся... Это горел Киев, повсюду, куда ни глянь, шла война... И в Лавре звонили о пожаре... А потом помню: едем из Киева в поезде... да что там! - бежим... И лютая зимняя ночь проносится за окнами - и повсюду, белыми крестами, горящие деревья, но я уже привык... Все чувства притупились, понимаете? Вышли вон, чтобы не рвать меня на части... Только очень хочется спать. И какая-то движущая сила жизни заставляет бежать вперёд. (*пауза*) Узким серпом на небе восходит растущая луна. И прямо перед окнами состава раскачиваются ноги повешенных... Длинные, бесконечные ряды повешенных на телеграфных столбах... Я и к этому привык... Иногда, когда совсем закрывались глаза, то горящие крестами деревья сливались с телами повешенных, и казалось, что они распяты и объаты огнём... (*пауза*) Это горел Киев и близлежащие станицы...

МАРТИН. Я всегда был очень терпелив, Димитрий... Единственное, чего я никогда не мог вынести – это человеческую глупость... Ольга, не слушай его – это просто очень длинные закаты Берлина, я же уже сказал. Они изматывают, как холод зимы...

ДИМИТРИЙ. Ты хороший человек, Мартин... Ты говоришь, чтобы Лёлечка не боялась... Да только вот – наша Лёлечка не из пугливых... «...и жизнь перед нетрезвым взглядом... глубоко так обнажена... как эта узкая спина... у женщины, сидящей рядом...»

МАРТИН. Что? Что ты сказал?

ДИМИТРИЙ. Не я... Мой приятель Ходасевич сказал...

(*Входит Гарольд*)

ГАРОЛЬД. Рейхстаг горит!

(*Пауза*)

ДИМИТРИЙ. А дайте ему выпить! (*Гарольд молча берёт бутылку со стола и отпивает из горла*). Это очень неплохое «Амороне». Под него идут сыр и телятина. На кухне есть немного, если хочешь...

ГАРОЛЬД. Национал-социалисты только что запалили Рейхстаг...

ДИМИТРИЙ (*оживлённо*) А я говорил! Я же вам говорил... Только Рейхстаг, Гарольд, запалили коммунисты... Я уверен... А ты лучше сядь, посиди... Как говорим мы, русские, - в ногах правды нет!

ГАРОЛЬД. Пока шёл к вам, видел пожар ещё издалека. Думал обойти, срезать дорогу, чтобы добраться быстрее. И вдруг понял, что пылает Рейхстаг, не удержался. Пошёл посмотреть...

ДИМИТРИЙ (*смеётся*)... это опасно.

ГАРОЛЬД (*смеётся*)... это опасно. Там нацисты кишат кишмя, как тараканы у «Фроляйн Эльзы» на кухне. Ну, и полиция, конечно же... Прямо при мне – видел, так близко, что мог дотянуться рукой, стоял в тени дерева, но не вышел, - вывели из Рейхстага - этого - как там его?... голландского коммуниста Ван дер Люббе...

ДИМИТРИЙ. Говорю же вам – коммунисты!

МАРТИН *(вставая)* Ван дер Люббе? Не может быть... Я только что видел его в Амстердаме... Месяца не прошло.

ГАРОЛЬД. Он повернул голову в мою сторону: мы встретились глазами. За его спиной смоляным факелом пылает Рейхстаг. Его волокут... А он поворачивается и смотрит на меня... но не видит...

МАРТИН. Он и не мог видеть тебя, Гарольд. Он почти слепой – коммунист Ван дер Люббе... Он с ранней юности предан идее. И больше у него ничего нет... Как у всех обездоленных... Только страсть и идея...

ГАРОЛЬД. Как бы там ни было, но его обвинили в поджоге... Он был голый по пояс... По версии полиции – он пропитал рубашку бензином, и этого вполне хватило для того, чтобы поджечь Рейхстаг...

МАРТИН *(холодно)* О, да... Это очень правдоподобно: такой маленький Ван дер Люббе поджёт такой огромный Рейхстаг...

ГАРОЛЬД. По моей версии его будут пытаться, чтобы он признался в том, чего не совершал, а потом казнят во имя Третьего Рейха. Он обречён...

МАРТИН. По моей версии всю вину он возьмёт на себя, чтобы спасти своих товарищей... Бедный Ван дер Люббе! Он никогда никого не предаст... Мы когда-то дружили, и скажу вам, – он был прекрасный товарищ!

ГАРОЛЬД *(равнодушно)* Говоришь так, как будто прощаешься...

МАРТИН. Я согласен с тобой: Ван дер Люббе обречён. Он был обречён с самого начала. *(пауза)* Никто из вас даже близко не знает из каких трущоб вышел Ван дер Люббе. Там не было ничего, кроме грязи, отчаяния и нищеты, кроме медленного поступательного движения к смерти с самого рождения. Однажды он спросил: «Скажи, Мартин, а стоит ли эта жизнь того, чтобы так яростно за неё бороться?» Я промолчал. Я никогда не понимал до конца его шутки, точно так же, как не понимал русский пианист шуток русского поэта в Париже... Но где-то глубоко я знал, что он прав какой-то своей безоговорочной правдой... И сейчас я думаю: что именно испытал Ван дер Люббе, когда после своих фабричных трущоб он оказался в Рейхстаге посреди холодного мрамора, каминов и летящих зеркал в позолоченных рамах? За всю свою короткую жизнь ничего подобного он не видел. У него просто не было времени подумать, о том, что в мире существует роскошь... И тут он понял, что всё это он должен немедленно сжечь, и что все 23 года своей однообразной жизни он жил только для того, чтобы всё это уничтожить... Что именно почувствовал он тогда? Что? *(пауза)* И, да... Да – я прощаюсь!

ДИМИТРИЙ. Узнаю коммунистов. Их воровская повадка. Я их чую... как говорит сегодня свободный немецкий народ. Чую всем своим естеством. Принести в жертву фанатика, напитаться его кровью и ещё на один маленький шагочек приблизиться к своей нищей цели... Гарольд метко их назвал: кухонные тараканы от «Фроляйн Эльзы».

МАРТИН. Ван дер Люббе не фанатик. Он предан своей идее. Он жил, чтобы умереть за неё. И это вызывает несомненное уважение...

ДИМИТРИЙ. Я равнодушен к воровскому кодексу чести... Насмотрелся в России...

(Пауза. Димитрий и Мартин неприязненно смотрят друг на друга).

ГАРОЛЬД. Пока ты тут чуешь вместе со свободным народом, я слежу за политикой. Коммунисты озлобленны и туповаты. На них можно свалить всё, что угодно. И это очень на руку национал-социалистам вместе с их неуязвимым маленьким Адди... Немецкие наци не из брезгливых...

ОЛЬГА. А по мне – так Гитлера нужно высечь и выкинуть из страны!

ГАРОЛЬД. Твои бы слова, Оленька, да Богу в уши... Но только сейчас их партия прошла в парламент, и Гитлер получил неограниченную власть.

ДИМИТРИЙ. О, я уже вижу эту власть!

ГАРОЛЬД. Нет, не видишь! И никто не видит... Народ их очень поддерживает...

ОЛЬГА. И ты боишься?

ГАРОЛЬД. Нет... Да... боюсь, что очень скоро всем нам придётся убраться из Германии.

ОЛЬГА *(смеётся)* А нам больше некуда бежать, разве ты ещё не понял, Гарольд? Скажи, а почему ты, когда волокли этого несчастного голландца, не вышел из тени?

ГАРОЛЬД. Мне могли набить лицо, Оленька, а оно должно иметь товарный вид, ведь, я вступаю с тобой... И потом – я могу ещё как-нибудь тебе послужить. Чем-нибудь пригодиться...

(пауза)
ДИМИТРИЙ. Значит теперь все главные партии в политике поёт маленький австрийский Адди? Так, может, выпьем за свободную Германию?
ГАРОЛЬД. Хороша шутка, да только бесплотна... Адди не столько смешон, сколько зловещ...
ОЛЬГА. О, Боже! Карлик моих мук..
МАРТИН. И поёт он погано!
ГАРОЛЬД. Народу нравится...
ДИМИТРИЙ. Народ не понимает в искусстве, правда же, Лёлочка?..
ОЛЬГА. Да мне –то что!?! *(кладёт руку на плечо Мартину)*
ГАРОЛЬД *(мрачней)* Зато народ понимает в силе..
ДИМИТРИЙ *(совсем мрачно)* Когда-то давно народу очень нравилось пение Нерона.
ОЛЬГА. Вот как? И когда?
ДИМИТРИЙ. Очень давно, Лёлочка! В древнем Риме... Нас тогда ещё не было на свете. Но, видишь, история повторяется... Нерон, как наш австрийский карлик, любил поиграть с огнём. Он привязывал христиан к деревянным крестам и поджигал их. Так вечерами он освещал дворцовые сады. И чтобы не слышать, как они кричат на крестах, он играл на арфе и пел... Естественно, народ рукоплескал. Он всегда рукоплещет сильнейшим.
МАРТИН *(глядя на Ольгу)* И всё же однажды ему заткнули рот...
ДИМИТРИЙ. И кто же это был?
МАРТИН. Так, пустяки... Один придворный писатель. Петроний Арбитр. Заткнул ему рот грязной тряпкой: «Боюсь, что ты застудишь свой божественный голос...»
ДИМИТРИЙ. И что народ?
МАРТИН. Молчал, выжидая... *(как бы машинально кладёт свою руку поверх руки Ольги)*
ДИМИТРИЙ. Так ты, малыш, всё-таки доучился в университете? Это классический текст из школьных учебников по латыни.
МАРТИН. Нет, моя мать была прачкой и не могла сама зарабатывать на жизнь. Пришлось уйти сразу после третьего курса...
ДИМИТРИЙ. Должно быть, сейчас она боготворит маленького австрийского Адди и приветствует своих товарок по прачечной «Хай Гитлер!»? Все прачки от него без ума...
МАРТИН *(сдержанно)* Нет. Она умерла... Послушай, Димитрий, не называй меня «малышом»... и, пожалуйста, перестань меня оскорблять! Я, ведь, прав, Лёлочка? *(Димитрию)* Лучше передай бутылку вина...
(пауза)
ДИМИТРИЙ. Я просто хочу спросить – с каких это пор Ольга стала для тебя «Лёлочкой»? ... И если ты такой смелый, малыш, возьми грязную тряпку и заткни австрийца! ...И, кстати, «Амороне» закончилось. Больше нет...
МАРТИН. Я же попросил, Димитрий. Мне всё сложнее и сложнее сдерживать себя...
ОЛЬГА *(перебивает)* Митя, мне, мне вина налей! Вот же бутылка... рядом с тобой...
ДИМИТРИЙ. Лёлочка, дорогая, там ничего нет... клянусь! Всё выпили... да... Я выпил и не заметил...
ОЛЬГА. Митя, вот ты такой учёный у нас, да?
ДИМИТРИЙ. Опять смеёшься?
ОЛЬГА. Я вот даже думаю иногда, может тебе в политику податься?
ДИМИТРИЙ. А что такое? Чего я там не видел?
ОЛЬГА. А то, Митя, что австриец уже год, как стал немцем с новеньким немецким паспортом... А ты уже десять лет торчишь в Берлине, и всё без толку... Только рассуждаешь про Нерона... Как был ты русским, Митька, так и остался...
ДИМИТРИЙ. А что я должен был сделать? Что?
ОЛЬГА. Ну, женился бы, например, на какой-нибудь молоденькой прачке!
ДИМИТРИЙ *(сухо)* Это очень личное, Лёля! Ты же знаешь. Очень личное. *(взрыв смеха)*
Ольга поёт стихи Ницше.
ГАРОЛЬД. А «Амороне», действительно, больше нет. Но, может быть, шампанского, друзья? *(открывает бутылку)*. Выпьем за странные времена, которые наступают, и что все мы вместе... ну, хотя бы – пока...
ОЛЬГА. *Inselder Seligen* – остров Блаженных. Туда после зараострийцеви греков Ницше отправил всех праведников и поэтов.
ДИМИТРИЙ. И вот мы – здесь.
ОЛЬГА. И Берлин горит...

(пауза. Пьют. Смех.)

ДИМИТРИЙ. Хорошее шампанское.

ОЛЬГА. Митя, дорогой, ты слишком много пьёшь!

ДИМИТРИЙ. Хоть кто-то беспокоится обо мне здесь, на чужбине... Спасибо, Лёля! А-то я уже и отвык совсем.

ГАРОЛЬД. Ты с годами становишься глуп и сентиментален...

ДИМИТРИЙ. Да я просто – русский человек! Это у тебя, Гарольд, как по линейке – вперёд-назад, а наш ум – всеобъемлющ. В нём душа плачет... МАРТИН. Интересно, Димитрий, что ты будешь говорить завтра с утра?

ДИМИТРИЙ. Да подпишусь под каждым словом, малыш... Я слов на ветер не бросаю!

МАРТИН. Я же сказал тебе: не смей называть меня «малышом»...

ОЛЬГА. Помолчи, Мартин... Митя, мой хороший, ты успокойся, я тебя прошу...

ДИМИТРИЙ. А я спокоен, Лёлечка, как никогда! Я просто очень счастлив сегодня!

МАРТИН. Пьяное благодущие.

ДИМИТРИЙ. Сам не знаю, что на меня нашло... Я бесконечно всем сегодня рад, даже тебе, Мартин...

МАРТИН. Польщён...

ДИМИТРИЙ. Да помолчи ты, горе-студент... Пусть лучше наша Лёлечка говорит... Лёля, ты только не сердись, но я выпью ещё...

ГАРОЛЬД. И это – правильно!! *(открывает следующую бутылку)*

(Пауза.)

(Монолог или речитатив Ольги.)

ОЛЬГА. Всё это подчас необъяснимо, но
всё же иногда, то,

что было очень давно,

вот, скажем, 10 или 15 лет назад,
когда-то совсем давно, в ранней юности, я
помню лучше, чем то, что было вчера...

С юности, да нет же – раньше, прежде,
С самого детства – помню только радость и –

- ведь, я же, радостный человек... всегда... всегда... всегда...

И солнце – так искренне светит, и снег искрит до рези в глазах,
до слёз... или вдруг молоко пролилось, а няня мне велит
убрать кукол и книжки... и столько в этом предчувствия счастья,
что – проснёшься с утра – запоешь... У няни был голос красивый,
целое море звуков... А у учительницы музыки Шарлоты Карловны фон Ашенбах
куда хуже... какой-то высушенный, как неживой...

А мне нравилось,

как няня поёт, и я всё делала, как няня... Шарлота Карловна ругалась,
а потом вдруг сказала, что я – права, что всё правильно пою...

И это – первая вспышка счастья!! А грусть – это слабость. Она

Забирает столько сил, и поэтому я не грустила

почти никогда... И всё же здесь, как ты сказал, Митя?-

- на чужбине, да? всё же здесь – мы все ранены грустью...

(пауза)

Или вот ещё вспышка... Я – девочка 16-ти лет, но уже, очень рано

Влюблённая в одного актёра... Я – девочка – посреди подмосковного

лета... Мы на даче в Балашихе... Папа меня любит, а мама – занята пением... Однажды она
долго слушала, как я пою, а потом сказала

одно – единственное «Нет» - мне,

а всё остальное Шарлотте Карловне фон Ашенбах,
как бы через меня, как будто бы меня и не было там

вовсе... Так она сказала :

«Ну вы же понимаете, Шарлотта,

что всё это

просто наша

домашняя радость, что красивая девочка

должна красиво петь,
потому что в этом сильнейшее очарование юности,
но не более... Лёлю могут взять в
хор какого-то хорошего, возможно, даже
столичного театра... Но не
более... Она никогда не будет
ни первой, на даже просто солисткой... А тогда зачем
вся эта жизнь в искусстве, если ты не
первый, не
единственный там? Тогда –
зачем? В искусстве есть только первый номер, а ради
других – просто не стоит...» - и мама всё это
говорила Шарлотте Карловне ласково, очень
спокойно,
полузакрыв глаза, как будто бы меня и вовсе не было рядом!
Как будто бы меня – просто не было никогда!
Она разрывала мне сердце на части, думая, что говорит правду,
думая, что беспристрастна, и я видела, что перестаю для неё
существовать... и вдруг Шарлота Карловна как-то очень по-русски
сказала: «Нет...»
А мама засмеялась, но как-то
совсем отстранённо,
как будто бы уходила от нас навсегда
в какую-то другую жизнь.
«Как же вы, немцы,
всё-таки упрямы...» -
- бросила, выходя... Я ничего не могла –
ни плакать, ни кричать. Я просто сказала Шарлотте,
так же ласково, как моя мать: «Я больше не буду петь...
никогда...» Но Шарлотта снова ответила: «Нет... Ты
уже не можешь не петь. И очень скоро убедишься в этом сама!»
Я больше не буду петь. Я разлюбила...
Нет...
Шарлота Карловна, я больше не буду...
Нет...
Стояло лето. Жара. Кажется – середина июля. Середина средин...
В саду меня окликнул отец: «Детка моя, ты плакала?»
Нет, папа.
Я не верю.
Нет, папа.
Я просто не спала эту ночь.
Детка моя, я не хочу, чтобы ты грустила... я пригласил к нам на ужин
моего старинного друга. Он гостит на соседней даче.
Его фамилия Мейерхольд.
За ужином мать была ласкова, как будто бы я – не я, а новая
комнатная собачка редкой породы. О ней нужно
заботиться. Её нужно холить и баловать. И не ждать от неё
ничего.
Никогда.
Нет.
На Мейерхольда я боялась взглянуть. Он был прекрасен.
Он был из той жизни, которая раз и навсегда закрылась для меня.
Мне показалось на миг за столом, что он пытается
Встретиться со мной взглядом... Ну, да – красивая девочка
Красиво поёт... А мне нужно было совсем другое. Мне было
невыносимо. Я встала и отошла к окну, только чтобы он,
Мейерхольд, не смотрел так в упор на меня.
И вдруг он встал и у всех на глазах

пошёл за мной и совсем , как мой отец
сказал: «Детка,
я часто хожу по утрам
мимо вашего дома...» И мне захотелось сказать что-то
очень злое,
но я не знала – что... чтобы он больше
не говорил со мной. Мне было невыносимо. «И что же вы
видите каждое утро?» - «Скорее слышу... чудный молодой голос... Это вы?»
Нет.

«Детка – детка, вырастайте поскорей... я бы хотел, чтобы вы у меня
пели Блока... Такие голоса я не забываю..»

Нет...

Но он почему-то засмеялся.

Нет...

Но он смотрела на меня в упор. Он не
сводил с меня глаз. Он взял
меня за руки и сжал мне пальцы почти
до

боли...

Я

чувствовала, что горю. Медленно
сгораю, но пальцы так
и остаются ледя –
ными нет... нет... нет...

В 18-ом году ,в пассаже Сан-Галли, я пела в «Незнакомке»...

(пауза)

(На улице грохот. Крики)

ОЛЬГА. Что это? Выстрелы?

ГАРОЛЬД. Нет, это фейерверки... Немецкий народ вступает в новую жизнь!

МАРТИН. Ещё шампанского? (Хлопает пробка. Смех. Точно так же, как в начале сцены, Ди-
митрий и Мартин встают с мест и закрывают занавес с двух сторон, как «аранчата в те-
атре Мейерхольда». Затемнение.)

Картина четвёртая

Фергусон. Осколки Берлина.

Осколок первый.

*Наши дни. Глубокая ночь. Контрабасист Гарольд лежит на полу перед задёрнутым занаве-
сом «Острова Радости». Важно то, что вся сцена нереальна. Возможно, это сон Гарольда.*

ГАРОЛЬД. Я думал –

Фергусон – собака умер, а он

дал мне в морду.

Я думал –

Фергусон – собака – гений, а он

снова дал мне в морду.

По большому счёту я бы

хотел быть

как он,

Фергусон

из перехода на Розенталерплатц, а ещё лучше –

им... Фергусон – это Диоген. Диоген жил

в бочке, а этот живёт на газете в метро, ближе к выходу на

Кастаниеналлее. И это его действительный адрес на

сегодня. У нас в Берлине – несколько другой климат: зимой на

открытом воздухе бывает свежо даже для

Фергусона, для таких, как он...

*(Прицельный, направленный свет ночника или карманного фонарика скользит то по полу, то
по стенам, случайно задевая Гарольда. Это Наташа посреди ночи спустилась в бар и что-то
ищет. Они с Гарольдом не замечают друг друга.)*

ГАРОЛЬД. Наташа, ты здесь?

НАТАША. Нет...

ГАРОЛЬД. А – зря... *(пауза)* Если хорошая погода, то он, Фергусон, иногда поднимается из перехода на трамвайную остановку. И как-то не так давно я встретил его, кажется, в конце марта... Мы играли в Аккуде, а он лежал на снегу, на солнце, на картонке – разобрал коробку из-под пылесоса, и что бы солнце не слепило прикрыл глаза защитными очками, кстати, довольно дорогими... Скажу ещё, что на нём было приличное пальто, возможно, его опять приодели в приюте... Наташа, ты здесь?

НАТАША. Да нет же... говорю тебе...

ГАРОЛЬД. А – жаль... *(пауза)* Я стоял над Фергусоном и думал – спит ли он, или мы смотрим друг на друга, так как его глаза были скрыты под чёрными стёклами очков. «Да, - сказал я, наконец, Фергусону, - что я могу для тебя сделать? Наверное, нужно отойти и не закрывать тебе солнце?» - «Нет, что ты, - ответил мне Фергусон, - я как раз собирался полежать в тени... И потом – эти панки из Севастополя достали меня...» - «Почему?» - «Громкие... Но, кстати, один из них – неплохой ударник, тебе бы понравился, а второй – недурно говорит по-английски... Но это неважно...» - «Неважно, - повторил я за ним. – Этому я научился у тебя.» - «О, да, раньше ты не умел...» И как-то стало легко.

Мы за- смеялись, Фергусон снял очки... Наташа...

НАТАША. Нет...

ГАРОЛЬД. Напрасно... *(пауза)* Я спросил его:

«Почему ты так живёшь?»

А он спросил: «Почему так живёшь ты?»

«У меня много всего есть», -

сказал я. «У меня больше, -

- тут же сказал он. – Но не сотрясай понапрасну воздух глупыми словами. Лучше глубже дыши. Весна. Март»...

НАТАША. Вы стоите друг друга...

ГАРОЛЬД. Наташа, я сплю?

НАТАША. Ты спишь всю жизнь, Гарольд, сколько тебя помню... *(находит на полу ящик со старыми бьющимися пластинками).*

ГАРОЛЬД. «Вся разница между нами...» - сказал он мне...

НАТАША. Да никакой...

ГАРОЛЬД. Нет, ты дослушай...

«Вся разница в том, что ты находишься внутри этого мира и видишь только свои проекции, а я

нахожусь снаружи и вижу его таким,
какой он есть...»

НАТАША (*раскидывает пластинки по полу*) Не то... Не то... Не то...

ГАРОЛЬД. Наташа, подожди!

НАТАША (*вместо того, чтобы отбросить следующую пластинку, рассматривает её*) «Не покидай, я умоляю,

побудь ещё хоть час со мной...

Я так люблю, я так страдаю...» (*отбрасывает прочь*) Не то!

ГАРОЛЬД. Что ты делаешь?

НАТАША. Забираю свои вещи.

ГАРОЛЬД. Это мои пластинки!

НАТАША. Это пластинки Ольги. Они тебе больше не пригодятся в твоей новой жизни... (*напеваёт*) «Я так люблю, я так страдаю, // и предан всей тебе душой, // ах, как силён миг расставанья...»

ГАРОЛЬД. Если бы ты услышала меня, то, возможно, когда-нибудь, я бы услышал тебя тоже...

НАТАША. А разве это важно? Кажется так научил тебя твой Диоген?

ГАРОЛЬД (*вслушивается*) Какой голос у тебя!

НАТАША. А ты только сейчас услышал, дорогой? Отдай эту пластинку! Она – моя... (*вынимает пластинку у него из рук*) И эта моя тоже... «Ах, как силён миг расставанья, // скажи, зачем разлука мне?» Говорю тебе, Гарольд, отдай пластинку!

ГАРОЛЬД. Так, вот, - Фергусон...

НАТАША. Гарольд, отдай! (*оба тянут к себе пластинку*)

ГАРОЛЬД. Фергусон с Розенталерплатц сказал мне:

«Ты крутишься, как заезженный диск вокруг своей оси, и
этот мир высекает из тебя нужную мелодию...»

НАТАША (*напеваёт*) «Не покидай, я умоляю...// Побудь ещё, хоть час со мной...» (*снова засмеялась*)

ГАРОЛЬД. А как нужно?- «А нужно – наоборот... -

- так он, Фергусон, мне сказал. – Вот сейчас я

сдвину этот мир, но только слегка, чтобы ты
увидел, что можно

с ним сделать... Чтобы только
показать тебе...»

НАТАША. Ты сдвинешь, Гарольд?

ГАРОЛЬД. Да нет же, нет... Куда мне!

НАТАША. Вот и я думаю: куда?

ГАРОЛЬД. Какой голос у тебя

всё- таки... И я говорю:

«Фергусон, что ты можешь дать мне?

Такой, как ты – такому, как я?» -

«Ровно столько, сколько ты
можешь взять, - засмеялся Фергусон. – И почему ты считаешь, -

- и тут он раскинул руки, показывая широту
воздушного простора. Прошёл трамвай, прозвенев... -

- Почему ты считаешь, что
между мной и

тобой

такая уж большая разница? -

Солнце стало слепить, и он снова

надел очки. – Я могу то, что можешь

ты... Но главный вопрос в том: сможешь ли ты то,
что я

покажу тебе? Чего я от тебя захочу? » Я стал уставать

от этого человека: «Давай я всё-таки отойду,

чтобы не закрывать тебе

солнце...» Фергусон снова

засмеялся, и вдруг я поймал себя

на мысли, что мне
неприятен
его смех, его преимущество
надо мной,
что этот,
лежащий на картоне из-под пылесоса «Сименс», опустившийся бродяга,
в общем-то, задевает меня... И тогда я
сказал себе: «Он же
безумен», и мне
стало полегче... «Я же сказал тебе
в самом начале:
Я хотел полежать в тени... -
- повторил Фергусон и мне
снова стало гадко.
- Но тебе, действительно,
нужно идти... У меня следующий посетитель...»
(Гарольд подходит к задёрнутому занавесу, но не решает его открыть).
НАТАША. Оставь, Гарольд... Всё равно твой театр назывался: «Хотел, но боялся...»
*(теперь Наташа - за маленьким круглым столиком. Сверху льётся холодный свет то ли
фонаря, то ли неоновой вывески. Получается, что она сидит одна на зимней улице Берлина.
Срывается снег.)*
ГАРОЛЬД. Следующим посетителем Фергусона
была чёрная девчонка Оту, -
*(Наташа не слышит. Водит пальцем по поверхности стола, как будто что-то рисует или
записывает.)*
- да, очень смешное имя, -
- совсем, как телефонная компания... Чёрная, как
сажа – девчонка из какой-то
африканской страны. Она не
говорила ни по-немецки,
ни по-английски, ни на одном
языке, кроме
языка своего племени... Оту!
*(Наташа медленно поднимает голову, слабо улыбается Гарольду, пытаясь его вспом-
нить. Потом снова пишет что-то пальцем на столе.)*
Ты не хочешь со мной говорить?
Ну-ка, что ты здесь написала?
(читает) «Li-liMar-len...»
Сейчас тебя зовут
Лили Марлен?
И кто же тебя так назвал? Кто дал тебе
новое имя? Оно не твоё, Оту, детка! Лучше не начинай...
(пауза)
Молчишь, да? Но, может быть, ты хотя бы
научилась писать? Или знаешь пару слов
по-немецки?
(Наташа качает головой)
Я не
уверен насколько
подходит тебе твоё
новое имя Лили Марлен, потому что, если честно,
я был приятно удивлён, увидев, что
последний посетитель Фергусона, лежащего на мартовском снегу, -
- это ты... Просто однажды ночью,
встретив тебя на улице,
я понял, что очень скоро ты... -
- ты сидела одна, чёрная, бесконечно
вытянутая девочка Оту, - всё время спотыкаюсь

о твоё имя! – ты мёрзла
в узкой заношенной куртке у
витрины, закрывшегося на ночь кафе, за
маленьким круглым столиком, пристёгнутым цепью за
единственную ножку. Срывался
крупными хлопьями снег и ложился
толстым слоем на поверхность
столика и набивался в складки на
рукавах и воротнике твоей куртки. Ты мёрзла...

И получалось –
чёрная, как берлинская ночь, девочка Оту,
обведённая траурной рамкой
белого, ново-
рождённого снега, склонив остриженную голову
на бок, водит узким пальцем по
столу... Палец увязает в снегу.

И ни одна из проезжающих машин не
останавливается, но все они слепят
вспышками фар... Наверное, так же ослепил тебя Берлин
после южно-африканского солнца?

Я сразу понял что,
очень скоро ты...

Дня через три...

После нашей встречи
мне приснился сон, как ты, совсем одна,
босиком,

грациозно переступая упругими ногами по
тлеющему снегу ночной зимы,
идёшь по улице и тащишь за собой,
пристёгнутый на длинную цепь, огромный, пустой
чемодан, который подпрыгивает и грохочет, но ты
не можешь его бросить, а он всё никак
не может отцепиться...

Мимо тебя проезжает поток машин,
но тебе уже давно всё равно,
ты даже уже не
прикрываешь глаза рукой, и даже не
пытаешься закрыться.

Ты просто идёшь,
ты просто идёшь,
ты просто идёшь и, наконец, ты
уходишь...

Маленькая девочка Оту! В тот миг, когда я
увидел тебя в первый раз,
я сразу же понял, что очень скоро
ты уйдёшь навсегда
из нашего мира...

(Наташа встаёт из-за столика и снова сосредоточенно перебирает пластинки на полу)

Что ты ищешь, Наташа?

НАТАША. Не твоё дело.

ГАРОЛЬД. И как же я был удивлён, когда
увидел, как Оту, из той ноябрьской, берлинской ночи,
легко присела перед Фергусоном на снег, и они о чём-то
заговорили. Фергусон

внимательно слушал её, а потом снял очки и вытер глаза. А мне
в след показал три сложенных пальца, что означало: «Приходи
через три дня...»

НАТАША. Ну, вот... Нашла, наконец-то... *(ставит пластинку на патефон)*

ГАРОЛЬД. Что это?

НАТАША. Да так... Один дребезжащий тенорок заходил пару раз к Ольге... *(оба вслушиваются. Длинный музыкальный проигрыш).*

ГАРОЛЬД. Я что-то не понял: он петть будет, вообще?

НАТАША. Нет, он передумал... *(Встаёт, подбирает охапку пластинок. Идёт к выходу. Пластинки падают).*

ГАРОЛЬД. Наташа, а что это было?

НАТАША. Да, ерунда! Забуди... *(напевает)* «Мне бесконечно жаль, твоих несбывшихся мечтаний, // И только боль воспоминаний, язвит меня...»

ГАРОЛЬД. Я бы спел «гнетёт»...

(Наташа уходит. Гарольд рывком распахивает занавес «Острова Радости». Кажется, что только что закончилась ночная пирушка, и посетители, нехотя, разошлись... Открыто окно. Яркое, ослепительное утро.)

ГАРОЛЬД *(отпивает из бокала на столе)* Какое хорошее «Амороне»... Наташа, Наташ... А ты, вообще, здесь была?

Картина пятая

Прошлое. Дом Гарольда. Это их общее воспоминание, десять лет назад, в 1923 году. Осеннее утро. Ясность. Ольга и Гарольд вдвоём.

ГАРОЛЬД. Не могу себе поверить, что ты, наконец, в Берлине.

ОЛЬГА. Я – в Берлине... Русская певица, убежавшая от революции... ГАРОЛЬД. А ты не одна здесь такая... Я – немец, ты – русская. Оба мы в Германии. Здесь безопасно и почти спокойно... И больше нам никуда бежать не придётся.

ОЛЬГА. А больше и некуда, Гарольд.

ГАРОЛЬД. Да и незачем, Ольга... Ты – со мной!

ОЛЬГА. О, да! Это очень надёжно...

ГАРОЛЬД. Конечно, не очень... Клара, Урсула, Хайди и ещё несколько славных девочек из кордебалета... ну, как я могу забыть этих ангелов? Да и куда они без меня? Но зато со мной – легко... И я всегда буду любить тебя, Оленька! До самой смерти... Уж чем богат!

ОЛЬГА *(смеётся)* Ты неисправим... время идёт, а ты не меняешься...

ГАРОЛЬД. А зачем меня исправлять? Неблагодарное занятие... Две вещи невозможно исправить – это погоду и мужчину... Вот видишь, я совсем не могу тебе врать...

ОЛЬГА. А я, ведь, помню Клару... Ещё по Москве... По студии Мейерхольда.

ГАРОЛЬД. Ой, лучше не вспоминай! Она была хорошая девочка. Способная, с неплохим голоском... Ты её дразнила: «Клара у Карла...»

ОЛЬГА *(смеётся)* «...украли кораллы...»

ГАРОЛЬД. Вот и я говорю, что безобидно, но бедняжка очень сердилась... Она отвечала тебе: «Пфуй!» с сильным немецким акцентом... Ты, ведь, ревновала, да?

ОЛЬГА. Ну, если немного... Мне было 19 лет... И потом, ты ходил за ней – как тень и совсем не говорил ни по-русски, ни по-французски... Мейерхольд давал ей небольшие роли, и когда у неё не выходило, он отдавал их мне... И потом, ты собирался на ней жениться...

ГАРОЛЬД. Откуда ты знаешь? Ты же не говорила по-немецки...

ОЛЬГА. Нет, почему – говорила...

ГАРОЛЬД. А я -то думал – мы понимаем друг друга без слов... и потом, знаешь, я – никогда не женюсь... Самый дорогой способ переспать с женщиной – это жениться на ней! Один раз я уже заплатил эту цену, и теперь – я полный банкрот... и потом с Klarой так нехорошо вышло! Ты не представляешь...

ОЛЬГА. Она ушла от тебя?

ГАРОЛЬД. Всё было гораздо хуже. Лучше – не спрашивай! Ваш Мейерхольд перестал давать ей роли, и она уехала в Берлин.

ОЛЬГА. Конечно, он отдавал их мне.

ГАРОЛЬД. Я был влюблён, как подросток и поехал за ней. С утра я не мог есть, потому что я думал о ней, днём я не мог есть, потому что я опять думал о ней, вечером повторялось тоже самое... А ночью я вспоминал, что безумно хочу есть и ничего не мог с ней делать... не получалось... так иногда бывает от большой любви!

ОЛЬГА. Бедная Клара!

ГАРОЛЬД. В итоге она вышла замуж за австрийца и первым делом завязала с театром. Потом подселана свиные ножки, нашу национальную еду, ты, наверное, слышала, да? А потом - родила ему пятерых детей... Недавно я лёг отдохнуть на лужайке в Люст-гарден и увидел Клару. Она очень изменилась в размерах. Я спел ей: «Клара, ты помнишь, наши встречи?» Она остановилась и посмотрела на меня. Знаю, что поступил невежливо, но подняться ей навстречу – просто не мог. Тогда она сказала мне: «Пфуй!», и позвала двоих полицейских... Они-то и помогли мне подняться. За ней стояли её дети: две девочки и три очаровательных мальчугана. Им было неловко смотреть, как меня уводят под руки по длинным дорожкам Люст-гардена, а ей было нормально... «Клара, ты всё ещё любишь искусство?» Но она не ответила мне даже: «Пфуй!»

(Смех. Пауза)

ОЛЬГА. Гарольд, я в Берлине...

ГАРОЛЬД. Вижу, Оленька! И искренне не понимаю, почему ты не приехала раньше... Ты, правда, верила, что после господина Мейерхольда ты будешь и дальше петь по-русски в столичных театрах?

ОЛЬГА. Да... Ия даже пела какое-то время какое-то время... правда, для матросов, стоя на деревянной бочке, в обмен на продовольственные талоны. На них можно было купить конскую колбасу и немного хлеба... Матросам не нравилось... Они заглядывали мне за вырез платья и гоготали, когда я пела колоратуры... А однажды один мне сказал: «Знаешь что, барынька, ручки белые, новая власть не любит буржуазное искусство... А спой-ка ты нам про «яблочко» и пляши по-нашему, только подол повыше подбери, чтобы новой власти советов понравится...» Эх, яблочко, куда ж ты котишься... и я совсем как то яблочко решила покатиться в Берлин...

ГАРОЛЬД (на свистывает «Яблочко») А что-то в этом есть... душевное оно, это ваше «Яблочко»!

ОЛЬГА. А ты красиво свистишь... и шутишь тоже...

ГАРОЛЬД. А ты знаешь, я купил радио...

ОЛЬГА. Ты пошутил?

ГАРОЛЬД. Не хочу про грустное, хотя бы сейчас... я так счастлив... я купил радио...

ОЛЬГА. Это же безумно дорого и бесполезно...

ГАРОЛЬД. Ну, почему? (включает приёмник: "Внимание-внимание, в эфире Берлин на волне четыреста метров. Дамы и господа, извещаем вас о том, что с сегодняшнего дня развлекательная служба радиовещания начинает распространение музыкальных произведений телефونно-беспроводным способом". Смотрит на часы.) Восемь часов вечера, 29 октября 1923 год... - сегодня ты прибыла в Берлин, сегодня родилось немецкое радио и...

ОЛЬГА. Просто удивительно, как ты всё умеешь изменить!

ГАРОЛЬД. Я – человек театра, а театр – это постоянное превращение, ты разве не знала?

ОЛЬГА (смеётся) Ну, да, - у мальчика постоянно должны быть новые игрушки...

ГАРОЛЬД. Но за этим будущее, Ольга! Знаешь, что мне сказал Энштейн после концерта в Кролль-опере? «Вашу музыку стоит передавать по радио. Вы только представьте, сколько людей вас услышат... Радио разбудит людей от сонного отупения...» Кстати, Энштейн прекрасный скрипач и сносный физик. Эх, его бы к нам в ансамбль! (пауза) Я как раз очень неплохо заработал на том концерте, вот и решил...

ОЛЬГА. А что потом?

ГАРОЛЬД. А потом – я занял денег у мужа Клары и стал ждать тебя... А знаешь что? Пойдём сегодня в кинематограф? Там будет Великий немой... (пауза) И ещё, Ольга... выходи за меня замуж!

ОЛЬГА (смеётся) Гарольд, я не могу...

ГАРОЛЬД. Уточни, пожалуйста, ты не можешь в кинематограф или не можешь замуж?

ОЛЬГА. Гарольд, ты – бабник и пьяница!

ГАРОЛЬД. Так я завяжу... честно...

ОЛЬГА (в зал) И тут из приёмника полилась музыка, понимаете? Легко, сильно, пронизывающе... А я была тогда так сильно, так остро влюблена... в свою молодость, в свой талант, в этот незнакомый для меня город... Я чувствовала себя очень сильной... и я уже собиралась ему сказать...

ГАРОЛЬД (пылко) Клянусь!

ОЛЬГА. Даже так?

ГАРОЛЬД. Я буду всю жизнь заботиться о тебе в силу своих (*целует ей руку*) достаточно скромных возможностей...

ОЛЬГА (*снова в зал*) Гарольд всегда умел меня рассмешить и я уже собиралась согласиться, как вдруг подумала о Чаплине, об одном его фильме – с каким удовольствием и вкусом они с Малышом ели хорошо приготовленные, проваренные ботинки...И я тут же поняла, что это наше с Гарольдом ближайшее будущее... (*Гарольду*) Гарольд, извини, но я – не могу!

ГАРОЛЬД. Почему, дорогая? Я же обещал – я исправлюсь!

ОЛЬГА. Мне больше нравится Чарли...

ГАРОЛЬД. Почему он? Почему не я?

ОЛЬГА. Он смешнее...(*пауза*)Твой Берлин, Гарольд, - слепящие, цветные осколки! Как будто бы мир раскололся на острова, и они так искрятся на солнце, что слепит глаза и выступают слёзы...

ГАРОЛЬД. Так выпьем за то, чтобы никто из нас не порезался об них.

НАТАША (*в зал*)Мы оба смеялись... и нам было – легко!

Картина седьмая.

Все четверо по-прежнему в кабачке. Теперь Ольга вспоминает об отношениях с Дмитрием, и, вообще, вспоминает о его существовании.

ОЛЬГА. Митенька, не грусти, мой бедный! Я всегда помню о тебе...

(Свет меняется. Это - перенос в другой момент прошлого.

Темнота. Свет. Входит избитый Митя. Ольга его не видит.)

ОЛЬГА. Митя, вот всё в тебе хорошо, только ты всё время не вовремя...

МИТЯ. Пришёл, как мог! И потом, Лёлочка, чем раньше начнёшь, тем раньше устанешь! А зачем тебе усталый пианист?

ОЛЬГА. Это не твоя шутка, дорогой...Так у нас обычно шутит Гарольд..

МИТЯ. Да, ты права. Куда мне – претендовать на остроумие! Я – конченный меланхолик...

ОЛЬГА (*замечает, что он избит*) Боже мой, Митя, что с тобой?

МИТЯ. А что?

ОЛЬГА. Кто это тебя так? У тебя всё лицо в крови...

ДИМИТРИЙ. Пострадал – за честь! Или ты думаешь, я не способен на поступок? Защитить честь - свою и своего круга?

ОЛЬГА. Способен...способен! Лучше скажи, где тебя так уделали? Хочешь водки?

ДИМИТРИЙ (*гордо*)Да...хочу! (*Ольга наливает ему рюмку водки. Митя залпом выпивает*)

Вот ты представь, Лёлочка... Нет, я не могу...Ты бы их видела! Как я там одного – возил... возил.. эм.. мордой, да, именно мордой – не побоюсь этого слова! - по столу!...Нет, Лёлочка, ну я не могу! Видела бы ты всё это...Видела бы ты меня...

ОЛЬГА. Уже вижу...Митя, кто тебя избил?

ДИМИТРИЙ(*в запале*) Ты помнишь директора московского театра товарища Прутикова? Что ты смеёшься? Он очень практичный человек и у него, действительно, такая фамилия – товарищ Прутиков. А театр его был – полная дрянь. Никто не ходил...И вот, Лёлочка, ты знаешь, что придумал товарищ Прутиков? Он дал объявление, что состоится концерт из 10 номеров, и что товарищи зрители, которым не понравится последний номер, могут получить назад деньги за билеты...Естественно, аншлаги! И вот конферансье объявляет последний десятый номер...

ОЛЬГА. Митя!

ДИМИТРИЙ. ...последний десятый номер – «Интернационал»! Исполнили худо-бедно, но зал аплодировал стоя...И никто, никто не посмел забрать деньги назад у товарища Прутикова...

ОЛЬГА. Митя, дорогой, ты слышишь меня?

ДИМИТРИЙ. Лёлочка, я тебя всегда слышу...А дай-ка мне ещё водки!

ОЛЬГА(*наливает ему ещё рюмку.Митя лихо её опрокидывает*) Ты скажешь мне или нет?

ДИМИТРИЙ. Мы играли в Еске-Кнеире у «Фроляйн Эльзы»...

ОЛЬГА. Господи! У «Фроляйн Эльзы»...Что, в Берлине мало пивных?

ДИМИТРИЙ...для простонародья играли – Шуберта и Шумана... Им даже нравилось – под их пиво со свинными рульками и пирогами...И всё было бы хорошо,Лёлочка, гладко...клянусь тебе, моя дорогая! если бы не пришли эти господа-товарищи национал-большевики в формах и повязках... «Сыграй, -говорят,- «Deutschlandüberalles», чистенький пианистик...». Так и скажи, ты представляешь? А я им говорю: « Плохо просите, господа –товарищи. Я – дворянин по происхождению и окончил консерваторию в Одессе...» (*во время их разговора, Ольга обрабатывает раны на лице Мити. Стирает кровь. Смазывает спиртом ссадины и по- бои.*)Лёля, мне щиплет! Прекрати...Ты делаешь мне больно...

ОЛЬГА. Эти господа-товарищи сделали тебе гораздо больше, дорогой!

ДИМИТРИЙ. Нет, ты дослушай...

ОЛЬГА. А разве это ещё не всё?

ДИМИТРИЙ. Они так растерялись от моего высокомерного тона... Лёля, больно! Лёля, перестань! *(Ольга йодом прижигает ему ссадину)* Они, прямо, замолчали, ты представляешь? Я молчу, и они молчат... И тут один из них, самый плюгавенький, говорит: «Играй, пианистик, а –то, ведь, пожалеешь! Вытащим тебя из-за рояля и пристрелим...». И ты знаешь, я сыграл им «Deutschlandüberalles», потому что я – очень хороший пианист... а потом они говорят: «А сыграй-ка нам ещё!» А я – им: «Я же не в тюрьме, чтобы подневольно играть! И потом, господа, вы делаете ошибки в немецком языке... употребляете Akkusativ вместо Genetiv-a...»

ОЛЬГА. Боже мой, Митя, ты сошёл с ума! Так прямо им и сказал?

ДИМИТРИЙ. Да. Так прямо и сказал. Этими самыми словами...

ОЛЬГА. А они что?

ДИМИТРИЙ. А они – туповаты... Долго думают... а я не стал ждать, я почему-то подумал про товарища Прутикова... и заиграл «Интернационал». «Ин-тер-на-цио-нал», понимаешь? Кое-кто у «Фроляйн Эльзы» стал мне аплодировать, причём стоя.. Кое-кто – возмущаться... Завязалась драка... Ну, и мне немного досталось...

ОЛЬГА. Митя, ну, зачем так было глупо геройствовать? Ради чего? Это же так опасно по нынешним временам.

ДИМИТРИЙ. Я так счастлив, Ольга!

ОЛЬГА. Глупый... Ты меня напугал. Ты всегда счастлив, когда я боюсь!

ДИМИТРИЙ. Зато ты сейчас со мной... и заботишься! Оно того стоило... я же, Лёлочка, очень печальный человек... Это всё так – показное, чтобы тебе понравиться... Я же – меланхолик...

ОЛЬГА. Все мы не без греха...

ДИМИТРИЙ. Я – конченный неудачник!

ОЛЬГА *(смеётся)* Митя ... хороший мой... ну, улыбнись! Ты же мне – как брат!

ДИМИТРИЙ. Старший или младший?

ОЛЬГА. Да какой хочешь!

ДИМИТРИЙ. Вот, ведь, всегда умеешь развеселить! *(на свистывает «Интернационал»)* Или что? Или Гарольд свистит лучше?

ОЛЬГА. Да оставь! Я же тебя люблю...

ДИМИТРИЙ *(светливо)* Интересно- интересно – за что же это ты так меня любишь? Я скучный... у меня плохой характер...

ОЛЬГА. Митя, не начинай!

ДИМИТРИЙ. Я – зануда...

ОЛЬГА. Ну, прошу тебя! Это – не так...

ДИМИТРИЙ. Я не очень привлекателен для женщин... Я никогда их не понимал до конца! Вот, например, моя мама... *(Ольга снова прижигает ему ссадину.)* Ты делаешь мне больно! *(ворчливо)* Нельзя ли помягче, Лёля? Да, да, да! Женщины почти не интересуются мной... Для них я – друг, брат, пианист... Кто угодно... К тому же я не очень-то хорош собой... Вот моя мама, она очень начитанная была. Она часто повторяла, шутила, наверное: «Вору – луна, дворянчику – честь...». А я запомнил. Я же по чести жил, Лёлочка! Я... я – очень старался...

ОЛЬГА. А я, Митя, тоже люблю тебя... и никогда не брошу... это – по чести!

ДИМИТРИЙ. Вот объясни мне – за что? Такая как ты – такого как я? Искренне не понимаю...

ОЛЬГА. Да не за что... Просто мы с тобой – оба русские...

(пауза)

ДИМИТРИЙ. Лёля, я знаешь, о чём мечтаю? Как мы с тобой в Россию поедем... Только ты и я... В Одессу... Проснёмся с утра и спустимся к морю, пройдемся по Набережной? Вот помню, как сейчас – перед глазами стоит! мы с мамой едем на службу к Николе-Чудотворцу рано-рано... И такая ранняя весна, первые дни марта, и кругом снег... Тарантас трясётся. Дорога в рытвинах... Я же ,мальчиком, в хоре пел... И мне мама говорит: «Митенька, всё хорошо будет... Вот только ты Херувимскую на полтона ниже бери...» А я же знаю, что она права, моя бедная мама, но такой восторг меня переполняет в церкви, такое счастье, что слёзы сами собой катятся по лицу, и я не могу остановиться. И всё равно пою высоко, неправильно, а у самого перед глазами – её, мамино, прекрасное лицо: «Иже херувимы тайно образующе и Живоотворящей Троице

Трисвятую песнь припевающе,

всякое ныне житейское
отложим попечение...»Лёля, родная моя, прошу тебя, умоляю, поехали в Россию!

(пауза)

ОЛЬГА. Да той России больше нет, Митя. Разве ты ещё не понял?

ДИМИТРИЙ. Но мы попытаемся...

(пауза)

ОЛЬГА (смеётся) И там тебе разрешат играть «Интернационал»...

ДИМИТРИЙ. И ,ведь, разрешат!

ОЛЬГА. Как последнее желание, прежде, чем поставить к стенке.

ДИМИТРИЙ. Да всё я понимаю... Назад пути нет... Так – мечта!(Пауза) Лёля, скажи, а ты бы хотела посмотреть какой стала Одесса или Москва? Ну, хотя бы только Москва... Как там они сейчас строят свой новый мир, в котором нам не нашлось места? Хотела бы, Лёля, скажи?

Затемнение.

Картина седьмая

Фергусон. Осколки Берлина. Осколок второй.

Наши дни. Закрытый занавес «Острова Радости». Гарольд один.

ГАРОЛЬД. А, ведь, я пришёл через

три дня, как сказал мне

Фергусон – собака... И что я

увидел? Он по-прежнему, правда,

в этот раз восседал, а не возлежал на картонной подстилке из-под...

всё там же, на снегу, у трамвайных путей. Правда,

на нём был очень хороший, дорогой костюм, такие

обычно не выдают в приютах для нищих... Он был достаточно

для него, для Фергусона, чисто выбрит. Его щетине, думаю,

не исполнилось и двух дней.

Фергусон-собака протянул мне сигару: «Хочешь? Садись.

Разговор будет...» - «Долгим?» - тут же спросил я. Но он

только пожал плечами: «Как пойдёт». И я опять

почувствовал преимущество над собой

этого странного человека...

(Наверху, в квартире Наташи, громко включили музыку).

Ах, да – видел сегодня Наташу. Она едва

мне кивнула. Она не пришла сегодня с утра

выпить кофе. Это

что-то новое в нашей с ней жизни. Я

открыл бар один. Первыми зашли Мун и

Натали. Они всегда так приходят. Мун –

красивая, чёрная девчонка,

выросшая в Берлине. Она

ничего не знает о жизни Оту. Наверное, ей

повезло. Я налил им утренний кофе и сказал, что это

– «kostenlos» от «Острова Радости». Они не очень-то

удивились. Сказали: «Zehrnnett», и только Мун уронила

на очень хорошем немецком, собственно, другого

у неё нет: «Очень хороший кофе» – «Бесплатный – всегда самый

лучший» – попытался пошутить я, опять вспомнив, что Наташа

не пришла утром. Наверное, Мун, красивой чёрной девчонке,

всё-таки повезло... Никто из них не засмеялся...

Так вот Наташа – едва мне кивнула. Ну, у неё

так часто: пристёгивала велосипед на стоянке вместе

с рокерами из Севастополя. Они на днях играли в Аккуде

сразу же после нас. Очень молодые, лет 25-ти, может быть,

даже меньше. Остро, грубо красивые,

не знают про себя ничего... Думают, что она –

– такая же, как они... Она – знает, они – нет, и ей забавно...
(снова громкая музыка наверху, смех, звон бутылок, шатающиеся голоса)
Сколько ещё, Наташа, ты будешь жить на
изживении своего красивого личика,
которое время
обходит стороной? Фергусон
сказал мне: «Смотри...» Там на
фасаде дома, дорогого дома,
скажу вам честно, выгорело
окно и
вокруг чернело
пятно пожара. «Ты?» Фергусон
пожал плечами: «У меня не было другого
выхода» – «Ты поджёг дом и считаешь, что
сдвинул мир?» – «Нет, что ты Берлин горел
много раз и ни к чему хорошему это
ни привело, и я, и ты – мы оба это знаем...» –
– «Но мы его не поджигали?» – я, правда, был неуверен. И тут
из подъезда вышла дама в хорошем, совсем не–
демократичном пальто: «Madame, – крикнул ей
Фергусон, – ваше приглашение по–прежнему в силе?» Она не
ответила, только раздражённо хлопнула дверцей
мини-купера. Но Фергусон продолжил: «Тот не раскается, кто убоявшись казни, // таит в себе
самом
все помыслы свои...» – прокричал он на чистом
немецком языке без дикого эльзасского акцента. А мне сказал: «Она специалистка по Ниц-
ше... Вот ты видишь, как ко мне
относятся мои коллеги. Я думаю, что это –
зависть...» Бедняжка завела свой
мини-купер и въехал в столб, к счастью, не очень
сильно, только помяла буфер слегка и понеслась на
красный свет. «Видимо, нет, - сказал Фергусон. – Видимо, на
ужин не пригласят...» В двух словах: мы
напились. В двух словах: Фергусон из
эльзасских немцев и когда-то был учителем в школе и
преподавал, вроде, философию, но потом
потерял всё и опустился на
самое дно, как всякий последний алкоголик, таких
называют «дрова». В двух словах: Фергусон раздобыл
кучу справок и хороший костюм и пошёл
в Джоб-центр за деньгами, а там всё же сидят крайне простые
люди, обладающие фантастической способностью быть
убеждёнными. «Легко покорить усреднённый ум и заставить его
служить, - сказал он мне. – Усреднённые границы
видны всегда. Например, твои...» - «Ты хороший
теоретик» - «Не люблю застывшие формы. Даже в философии. Я
практик...» Он сказал, что ему нужна квартира и деньги на
жизнь, и что он снова собирается выйти на работу. Ещё он показал
пачку бумаг о том, что он не только школьный
учитель, но ещё и писатель, и ему нужна
отдельная комната под
рабочий кабинет и библиотеку,
куда он перевезёт
все свои книги. Он не просто
хорошо говорил, он воздействовал на их
ум. Возможно, впервые за много лет он заставил их
ум шевелиться и мечтать. Они дали ему всё,
что он просил, и ровно через

день он вселился в один из самых хороших домов Пренцлауерберга, в большую квартиру без мебели. Он легко подружился с соседями, им было лестно, что рядом с ними теперь живёт писатель, и многие пригласили его на ужин. Он вежливо предупредил, что среди ночи могут привезти его библиотеку...

(С грохотом распаивается дверь, входят Наташа и её приятель-панк из Севастополя. Это один из актёров, играющих либо Димитрия, либо Мартина).

НАТАША. Он спит. Не ори.

ПАНК. А у меня – громкий голос.

НАТАША. И свет не включай. Мы его разбудим.

ПАНК. Давай его наверх пригласим. Он же играл в «Аккуде». Нормальный мужик.

НАТАША. Что ты! Он больше не музыкант. Не буди его. Ему скоро на пенсию.

ПАНК. «Наша наглухо закрытая поэзия// жарко молится, да толку ни на грош,// чтоб светилось её жертвенное лезвие,// золотую свою голову положь...»* - *(стихи А.Денисенко)*

НАТАША*(смеётся)* Если так напился, то хотя бы – потише. Кстати, я бы сказала не «положь», а «положи».

ПАНК. Дура нерусская. Говоришь, в Москве выросла, а русский язык не слышишь.

НАТАША. Ящик с пивом бери, умник, и деньги оставь на стойке.

ПАНК. Но это всё, что мы заработали в переходе.

НАТАША. Ты что! Наше пост-марксистское общество только на них и живёт.

(Смех. Звон рассыпанной мелочи. Уходят.)

ГАРОЛЬД. Наташа!

(Из-за занавеса «Острова Радости» появляется Фергусон, как бы выходя из прошлого. Это тоже один из актёров, играющих Мартина или Димитрия).

ФЕРГУСОН*(садится рядом)* Я принёс твой костюм. Взял его у тебя на время, чтобы всё это повернуть.

ГАРОЛЬД. А как ты вошёл?

ФЕРГУСОН. А ты думаешь – это так сложно? Кстати, у тебя в подвале – много интересных вещей. Старое зеркало в бронзовой раме. Повесь его и увидишь, как всё изменится.

ГАРОЛЬД. А зачем?

ФЕРГУСОН. Чтобы хоть что-то произошло в твоей убогой жизни... Кстати, ты всё неправильно рассказал.

ГАРОЛЬД. А ты тщеславный, Фергусон.

ФЕРГУСОН. Все мы ни без греха... Понимаешь, каждый человек – это книга, нужно уметь её правильно прочитать. Есть книги скучные и пустые, как ты. А есть – глубокие и непостижимые...

ГАРОЛЬД. Как ты?

ФЕРГУСОН. Нет... Меня невозможно прочитать. Я сам себя ещё не дочитал до конца.

ГАРОЛЬД. Ты знаешь – тщеславие и спесь погубили многих.

ФЕРГУСОН. Так я и погиб. Разве ты не видишь?

ГАРОЛЬД. Я думал – ты Диоген.

ФЕРГУСОН. Я думал – я Фергусон.*(Смеются. Пауза)* После долгого перерыва я лежал один на полу, в этой огромной квартире на Розенталерплатц и совершенно не понимал, что я здесь делаю. Я не мог заснуть. Все эти звуки за стеной. Шаги на лестнице. Звуки живого дома, ты понимаешь? Я думал, что я давно от всего этого не завишу... Я от этого отвык. И только на одно мгновение пронеслась мысль: «Я же очень легко могу остаться в этом мире», но только на одно мгновение, поверь... Я поразился сам себе. Сам на себя обратил внимание в эту минуту... И тут же, тут же позвал их всех... Всю мою библиотеку, и она начала медленно стекаться из всех подворотен и переходов. Я открыл чугунные ворота арки и стеклянные двери во двор, и двери в подъезд, и двери в квартиру. И все они – бесшумно, как тёмная вода, влились в этот дом. Тех, которые не могли идти сами, несли на руках или самодельных носилках. И все они как-то очень быстро разбрелись по комнатам и почти бесшумно припали к бутылкам дешёвого вина и пива, которые я купил для них. Я им не мешал...

ГАРОЛЬД. Оту тоже была?

ФЕРГУСОН*(мрачно)* Нет, Оту не пришла... Написанные книги живут самостоятельной жизнью и больше не принадлежат своему автору. Ближе к середине ночи ничего лучшего они не

придумали, чем разжечь костёр на полу. Им было даже не очень весело. Они мало говорили и деловито подбрасывали в огонь доски паркета... В какой-то момент я сказал, что им пора уходить, и был очень удивлён, как быстро они собрались и такой же чёрной водой выплеснулись на улицу... На лестничной клетке я столкнулся со своей соседкой, любительницей Ницше. Она вызвала полицию и пожарных.

ГАРОЛЬД. Вы поговорили?

ФЕРГУСОН. Очень коротко.

(Входит Наташа. Она очень недовольна, что её вырвали с вечеринки и сейчас ей придётся играть Соседку).

СОСЕДКА. Вы ввели нас в заблуждение.

ФЕРГУСОН. Я – ницшианец, а Ницше ввёл в заблуждение всю немецкую нацию.

СОСЕДКА. Вы – подонок.

ФЕРГУСОН. Подонок, madame, это человек, находящийся на самом дне. А я, как вы видели, путешествую вертикально.

СОСЕДКА. И где же ваши книги?

ФЕРГУСОН. Спускаются по лестнице, чтобы огонь не причинил им вреда. Вся моя остальная библиотека сгорела во время последнего аутодафе.

СОСЕДКА. И вам самому-то не мерзко от ваших этих поганых игр?

ФЕРГУСОН. Игра, madame, далеко не самая низкая форма жизни. И потом, чем моя игра хуже вашей? Просто мы преследуем разные цели.

СОСЕДКА. Вам воздастся. Вы кончите в самой грязной канаве.

ФЕРГУСОН. В отличие от вас, я прекрасно осознаю свой конец и давно с ним согласился. Конец Ницше, кстати, тоже был совершенно ужасен, и как показала последующая история, он его заслужил. Знаете, в чём маленькое преимущество дна?

СОСЕДКА. И в чём же?

ФЕРГУСОН. Очень хорошо видно, что происходит наверху. Бросайте свой мини-купер и нырнём вместе. *(Соседка молча разворачивается и уходит)*

ГАРОЛЬД. Потом пошли первые трамваи, и я проводил Фергусона до остановки.

(Фергусон стоит спиной к полу-раздвинутому занавесу. В проёме чернота)

ФЕРГУСОН. Ну, вот и пришли. Спасибо за костюм. Он пригодился.

ГАРОЛЬД. Зачем ты это сделал?

ФЕРГУСОН. Для тебя. Чтобы ты увидел, что не этот мир владеет нами, а мы владеем им.

ГАРОЛЬД *(смеётся)* «Я владею моими чувствами, а не они владеют мной». Всё это я читал в детстве в забавной брошюрке по «Введению в психологию».

ФЕРГУСОН *(равнодушно)* Времени нет. Устал всем повторять.

(Наверху, в квартире Наташи, заиграли джоз)

ГАРОЛЬД. Панки из Севастополя. Гремят на всю улицу.

ФЕРГУСОН. Кстати, хороший джаз. Мой дядя играл в Канаде на кларнете. Я кое-что понимаю в музыке.

ГАРОЛЬД. А есть что-то, в чём ты не понимаешь?

ФЕРГУСОН *(подумав)* Да.

ГАРОЛЬД. Как Оту?

ФЕРГУСОН. Спросил для того, чтобы сменить тему?

ГАРОЛЬД. Она бы хорошо смотрелась в джаз-бенде.

ФЕРГУСОН. Забудь Оту. Она уже отыграла. Она – в выигрыше и совсем недавно вышла из игры... Мы играем с этим миром так... *(отступает назад, в проём занавеса, и он тут же смыкается).*

ГАРОЛЬД. Трамвай тронулся, и я так и не услышал по каким правилам мы можем победить... И Фергусон – собака никогда больше не повторит их для меня.

Картина восьмая

ОЛЬГА и МАРТИН.

ОЛЬГА *(из темноты)* Мартин, где ты? Мартин... *(постепенно свет усиливается, и мы видим Ольгу. Вечер. Берлин. Она стоит у кинотеатра.)* Мне было 33 года, ему – 22... Тогда казалось, что это очень много... Сейчас кажется неважным...

ЯстояланауглуKantiJoachimsthalerstraßeу «KleineKino». У меня было два билета на премьеру «Франкенштейна». Эта свинья Гарольд напился и поволокся за маленькой, хорошенькой

Тильдой... (ГАРОЛЬД (из затемнения) «Нет – нет, это была не Тильда!» – Ольга: «Ах, да! Это была не Тильда.» - «Я только хотел...» – «Сейчас не твоя сцена...»)

Сеанс должен был вот– вот начаться. Я ходила взад–вперёд перед кинотеатром. Мелко моросило, но мне не хотелось под навес... Там под навесом стоял какой-то мальчишка с цветами, видимо, кого-то ждал... Был нарядно, но немного смешно одет – волосы приглажены бриолином – и руки торчат из рукавов не плохого, в общем-то, пиджака... Но он из него давно вырос... Смешной взволнованный цыплёнок... А я не хотела под навес... Он смотрел на меня в упор... и думал, думал о чём-то своём... Проговаривал про себя какой-то важный разговор, нервно шевеля губами... Интересно, кого это он так ждал? Я вспомнила, как в Москве стояла у театра и думала – выйдет ли Мейерхольд... Наверное тогда, я так же не умела скрывать свои чувства...

МАРТИН (делает шаг из темноты) Вам лучше зайти под навес. Дождь усиливается...

ОЛЬГА (смеётся) Вы так смотрите на меня...

МАРТИН. Как?

ОЛЬГА. Не отрываясь. В упор.

МАРТИН. Последние полгода своей жизни я занят только тем, что неотрывно смотрю на вас.

ОЛЬГА. Вот как? Неплохое занятие.

МАРТИН. Лучшего для меня и не придумать... Я хожу на все ваши концерты. И если вам вдруг нужен ударник в вашем ансамбле, то я – ваш. И если не нужен, то я всё равно ваш... Почему вы так смотрите? Пожалуйста, не гоните меня!

ОЛЬГА (в зал) И мы пошли вместе на «Франкенштейна» с этим цыплёнком... Я совершенно не знала, что мне делать с этим красивым смешным мальчиком... Он напоминал мне... меня саму... когда-то давно... в России, в юности... я смотрела на экран, а он смотрел на меня... И здесь – одна маленькая неточность – я пыталась смотреть на экран... но когда он, Мартин, слегка случайно прикасался ко мне, я чувствовала, что вся горю... так было когда-то давно, в ранней юности, когда однажды вдруг ко мне прикоснулся Мейерхольд... и вдруг я случайно ему сказала: «Сева...» и сорвалось случайное «ты»... Мартин, Мартин мой, где ты?

МАРТИН. Я здесь, Ольга... Я всегда рядом с тобой...

Картина девятая

Ольга подходит к краю сцены, постепенно снимая с себя берлинскую одежду по моде 30-ых годов, пока не остаётся в узких обтягивающих джинсах и майке. В какой-то момент этого обнажения - переодевания мы видим Наташу в образе Ольги, потому уже мы видим только Наташу.

НАТАША (в зал) Это такое чувство... что ты – не ты... Восхищение, что ли?

Это от русского слова «восхИтить»... Ангелы восхитили душу на Небо. И душа ощутила блаженство... Кроткая, пронзилась блаженством... и слов нет на человеческом языке, чтобы выразить всю степень ликования... Это я прочитала в одной из старинных русских книг. И меня пронзило... До глубины...

А Ольга вдруг написала: «Как же это так?

Я не могу представить, что через поколение моя внучка, Девочка во всём похожая на меня, будет с трудом говорить по-русски... Ведь у нас, у русских, есть только наша вера и наш язык... Отнимите у нас веру и наш язык, замените его любым наречием, а вместо веры внушите нам гуманизм... И нас не будет... Мы растворимся, как сон об утраченном рае, раз и навсегда... Мы станем вами...» И как же, как же пронзили меня её слова... «А я, бабушка, выросла Москве. Я чисто говорю по-русски...» Каждой клеточкой своего тела, всем своим естеством я чувствовала Ольгу, словно бы её жизнь влилась в меня, словно бы её душа следила за мной с недоступного русского неба и направляла каждый мой шаг... я знала всё

про её жизнь...про то, чем живёт её дух, - об этом она молчала... я знала и другое, про её внешнюю жизнь,
у всех на виду, жизнь прекрасной актрисы, которая ровно горела, как тонкая прямая свеча, и все,

кто хоть чуть-чуть соприкасался с ней,
загорались в ответ, заболели ей, Ольгой...

заболели искусством...раз и навсегда...Но никто никогда даже
русский пианист Дмитрий так и
не узнал её тайны...Тайны её духа.

А я не только узнала...Эта жгучая тайна влилась в меня...Ольга несла в себе

Радость...Она шла по пути радости, не смотря на всю горечь и боль

того времени... А что может быть угоднее Богу, чем радость? Она знала, и вот теперь – знаю я....

(Возможно, что весь речитатив Наташа поёт -страстно, быстро и чётко « Весёлый ветер..». Незаметно подходит Гарольд, трогает её за плечо).

ГАРОЛЬД. Наташа, Наташ, ну, хорошо...Ну, я согласен... согласен!

НАТАША *(устало оборачивается)* Да, Гарольд? Ты что-то сказал сейчас?

Конец первого действия.

Антракт.

Действие второе

МЕЙЕРХОЛЬДОВЫ АРАПЧАТА

Картина первая

Концерт Наташи и Гарольда провалился.

Вечер после их выступления в «Острове радости».

Наташа сидит в платье Ольги за стойкой, в совершенно расстроенных чувствах, растрёпанная, шляпа валяется на полу, украшения, перчатки, флакон с духами,- всё раскидано по стойке...По лицу растеклась тушь. Возможно, она плакала. Нелепо сбились меха. Наташа пьёт пиво «из горла», богемно, как девчонки-рокерши из Принцлауэрберга, открывая бутылки зубами. Пытается курить, закашливается, отбрасывает сигареты.

Входит Гарольд во фраке, но босиком, с букетом цветов. Наблюдает за Наташей. Она его не замечает...

ГАРОЛЬД. Скажи что-нибудь, прекрасная!

НАТАША *(устало его разглядывает)* Почему ты босиком?

ГАРОЛЬД. Туфли жмут...*(молчание)* Ну, ещё – хоть одно слово...

НАТАША. На какой барахолке ты так приоделся?

ГАРОЛЬД. Это настоящий концертный фрак...

НАТАША. Ну, да...Они там все настоящие... так на какой «блошинке» ты его отхватил?

ГАРОЛЬД. Говорю тебе, он – настоящий! Это ещё со времён Комише – оперы, когда я там служил в оркестре.

НАТАША. Судя по тому, что он совсем новый, в Комише-опере ты служил недолго.

ГАРОЛЬД. Кажется, ты намекаешь на что-то очень неприятное...

НАТАША. Кажется, да...Я говорю о том, что тебя оттуда «попросили»... четвёртого контрабаса на замену, которому люто завидовал первый контрабас и всячески его подсиживал... Знаешь, Гарольд, я его отчасти понимаю...

ГАРОЛЬД. Да, что ты, вообще, понимаешь в театре?

НАТАША. Я понимаю, что все спектакли с твоим участием проваливались, а из зрителей приходили «три ободранных кошки». Двух приглашал ты, а одной доставался билет со скидкой...

ГАРОЛЬД. Почему ты так хочешь уязвить меня, Наташа?

НАТАША. Прости, Гарольд...Всё это неважно, как говорите вы с

Фергусоном...Важно только то, что мы провалились... Твои « три кошки...» зевали и пили пиво... Три дранные кошки: Эльке, девушка 35-ти лет и её француз, и ещё -пожилая дама из Вильмерсдорфа, которая выиграла в лотерею билет со скидкой... Эльке не понравилось... Ты был прав, Гарольд. «Остров Радости» - это чудесное питейное заведение, знаменитое на весь наш околоток Шарлоттенбурга, подвыпивший хозяин которого иногда надрывно играет на контрабасе...

ГАРОЛЬД *(смеётся)* И снова ты хочешь меня уязвить.

НАТАША. Нет... Да... неважно... Мы провалились, Гарольд... мы провалились...

ГАРОЛЬД. Ты спросила – почему я во фраке? Пожалуй, я тебе расскажу... после того, как меня « попросили» из Комише- Оперы, я надевал его дважды. .. Скажи, пожалуйста, ты знаешь, что такое «серсо»?

НАТАША. Какая глупость... Серсо – детская игра... Колёсико... палочка... скорость... Дети ловят на палочку лёгкие обручи... *(улыбнулась)* О чём ты, мой дорогой?

ГАРОЛЬД. В первый раз я надел фрак, когда приезжал ваш русский театр... я вспомнил, как когда-то давно, в юности, видел старика. Он всё время приходил в берлинскую Филармонию во фраке... Это было очень смешно, даже нелепо... Нарядное пугало в толпе заношенных свитеров и джинсов. Он ходил на концерты русской музыки, каждый раз как на какой-то исключительный праздник...на удивительное торжество... После его смерти его ученики опубликовали его архив. Он всю жизнь занимался био-механикой Мейерхоolda... Когда приехал русский театр, я вспомнил о нём и почему-то ощутил торжество... Волну торжества... Девятый вал... я надел фрак и пошёл на спектакль...

НАТАША. Очень глупо, Гарольд... твой вечный юношеский романтизм... ГАРОЛЬД. Возможно... Но театр – это серсо. Вечный танец. Вечный флирт с жизнью... *(Неожиданно азартно, мастерски танцует, увлекая за собой Наташу: «Да сбрось же ты, наконец, эти дурацкие туфли!» Оба танцуют босиком)*... Итак, серсо это театр...это - тоска по красоте, наслаждение без утоления, бегство, постоянная погоня, игра... иногда я думаю, что устал и больше не попадаю в ритм... в ритм этого упоительного понимания жизни... Поворот! *(резким движением разворачивает Наташу к себе)* Но только иногда...а потом... Ты понимаешь, Наташа, мы забываем, что мы живём... Мы смертны, но мы живём, как бессмертные, по своей воле. Но если бы нам заранее показали наш конец, даже не когда он случится, а то именно, каким он будет, то, клянусь тебе! - мы бы жили иначе...

НАТАША. Это из дневника Ольги...

ГАРОЛЬД. Это из русских духовных книг...

НАТАША. Какой ты умный...

ГАРОЛЬД. Когда-то я закончил иезуитскую школу и кое-что помню о том, как устроен мир... Понимаешь, Ольга, этот старик во фраке со стопкой программ и ты...

НАТАША *(смеётся)* И я?

ГАРОЛЬД. Да...И ты тоже... у вас – свойство... вы заражаете людей художественной болезнью. Даже тех, которые вас не любят, даже тех, которые не хотят знать вас или о вас... Второй раз я надел фрак после твоего концерта... Мы будем выступать вместе..

НАТАША. Я не хочу больше. Я не могу.

ГАРОЛЬД. Уже поздно... *(и снова – резкий поворот в танце)*

НАТАША. Я – слабая, Гарольд... я прочитала в дневнике у Ольге – на углу Штаргардер и Грайфенхагенерштрассе у лютеранской церкви стоял маленький белый Христос на возвышении. Она вставала напротив Него, запрокидывала голову и получалось, что они смотрят друг другу в глаза...И она всегда просила Его, а Он всегда её слышал.. Она называла Его – «Мой маленький белый Христос ...» Я тоже пошла и попросила Его...

ГАРОЛЬД. О чём?

НАТАША. Это неважно... я просила впустую...Маленький белый Христос Ольги не услышал меня...

ГАРОЛЬД. О чём ты попросила, Наташа?

НАТАША. Это неважно, Гарольд...Это уже неважно... я попросила, чтобы ты согласился и больше всего на свете захотел...Вот видишь, как заразительны слова Фергусона и молитвы Ольги!

ГАРОЛЬД. Я согласился...

НАТАША. Я больше не буду петь...

ГАРОЛЬД. Нет...*(берёт контрабас...быстро настраивает)*

НАТАША. Я больше не буду петь никогда...

ГАРОЛЬД. Нет... (*начинает играть*) А ты была права... я, действительно, очень хороший музыкант... только я почему-то забыл об этом....

Наташа поёт стих Ницше: «...Тот не раскается, кто убоявшись казни, // Таит в себе самом все помыслы свои...»

Картина вторая

Прошлое. Ольга, Мартин.

МАРТИН. Ты изменилась, Ольга... Ты – не такая, как раньше...

ОЛЬГА. Раньше ты не знал меня, Мартин... (*пауза*) Ты не знал меня никогда. Я встретила Мишу сегодня утром у церкви на Штаргардерштрассе, с тем маленьким белым Христом...

МАРТИН. Какого Мишу, Лёлочка?

ОЛЬГА. Да не Лёлочка я тебе! Даже не пытайся, как мы...русские!... Я встретила Мишу...Мишу Чехова... я не видела его года три...или больше! Все эти годы он был в Берлине и молчал. И все молчали вокруг... как будто бы ничего не произошло, ты понимаешь, Мартин? Ни-че-го... Он сказал, что ровно три года назад приезжал Сева... Всеволод Эмильевич Мейерхольд... МАРТИН (*холодно*) Это тот немец-лютеранин, принявший православие? И почему же он не зашёл к тебе поздороваться?

ОЛЬГА. Замолчи, Мартин! И никогда, слышишь? никогда не рассуждай о тех вещах, которые близко не понимаешь... Да, он не зашёл ко мне! Не зашёл, хотя был здесь, в Берлине...И знал прекрасно, что я – рядом, на соседней улице нашей славной русской деревеньки Шарлоттенград! Но он не зашёл ко мне...Мой Мейерхольд...

МАРТИН (*зло*) Да успокойся, Ольга... Ты была его актрисой...Одной из...Служила в его театре... С годами многое меняется. Удел актрисы помнить режиссёра всю жизнь, удел режиссёра – помнить только свой спектакль. Актёры – это биоматериал, только глина для лепки. Разве ты не знала об этом?

ОЛЬГА. Замолчи, Мартин! Миша волновался, хотя прошло три года. (*с неожиданной злобой*) Запинался в словах, как мальчик-заика на Рождественской ёлке...Три года это же – целая вечность для театра, как ты не понимаешь, глупый красивенький ударник! Ты что, думал - мы вечно будем ходить по берлинским кафе, пропуская по рюмочке, и смотреть на отлёты дирижаблей? (*вспоминает с усилием*) «Я старался передать ему свои чувства, скорее предчувствия о его страшном конце, если он вернётся в Советский Союз, - выдавил, наконец, из себя Миша. – Он слушал молча и спокойно, а потом с грустью ответил мне...»

МАРТИН. И что же он ответил?

ОЛЬГА. Точных слов он, конечно же, не помнил... «С гимназических лет, - сказал ему Всеволод, - в душе моей я носил революцию и всегда в крайних максималистических её формах. Я знаю, что вы правы – мой конец будет таким, как вы говорите. Но в Советский Союз я вернусь...»

МАРТИН. Но зачем?

ОЛЬГА (*с отчаянием*) Вот и Чехов спросил его тоже!... И ты знаешь, что он ответил ему? Что ему сказал Сева? «Из честности...» Просто : «Из чест-нос-ти...»... В этом он весь... Он всегда был таким – на пределе до крови, на разрыве... и даже сейчас, когда речь зашла о жизни. Он просто не может жить по-другому! Из честности, Мартин, ты понимаешь?! Да будь она проклята, эта ваша честность!!

МАРТИН. Очень жаль, Ольга! Тогда тебе придётся смириться с тем, что он не зашёл к тебе. Если бы он зашёл, он бы пришёл проститься. Проститься навсегда, как вы, русские, очень любите! Но он решил поступить по-немецки...

ОЛЬГА (*очень тихо*) Оставь меня, Мартин.

Картина третья

Прошлое. Блистательный концерт Ольги. Неожиданно, в самом конце лопаается струна контрабаса. На мгновение Гарольд застывает с поднятым смычком. Звук лопнувшей струны. Ольга оборачивается, понимая, что случилось. Гарольд кивает ей, что продолжит играть на трёх струнах. Играет октавой выше. Ольга продолжает петь, уходя ниже, одновременно, Митя и Мартин подстраиваются под новое звучание. Заканчивают виртуозно. Пауза. Затем – все смеются. Взрыв смеха.

ОЛЬГА (*подходит к Гарольду*) Если мы захотим сэкономить на скрипаче, мы просто попросим тебя оборвать пару струн на контрабасе.

ГАРОЛЬД. Я сделал всё, что мог!

ОЛЬГА. Ну, конечно, дорогой... Мне пришлось петь под скрипку. Под плохонькую, но всё же – скрипку!

ГАРОЛЬД. У тебя недурно получилось... (*перетягивает струну*) Может, всё так и оставим?

ОЛЬГА. Предпочитаю петь под контрабас. (*Гарольд настраивает струны. Ольга голосом вторит случайным звукам настройки. Диалог нот и её голоса*). Что может быть нежнее, мой дорогой, чем наш старинный дует – твой контрабас и моё контральто? Скажи мне, что я права...

ГАРОЛЬД. Ты права...

(*В это время Мартин и Димитрий отходят в сторону.. Видно, что оба устали*).

МАРТИН (*достает папиросы*) У тебя нет огня?

ДИМИТРИЙ. Я никогда не ношу с собой огонь...

МАРТИН. Напрасно... (*мнёт пальцами папиросу*) А, кстати, почему?

ДИМИТРИЙ. Разве ты не видишь сколько огня вокруг за последнее время?

МАРТИН. Наверное, ты прав... Знаешь, я очень устал от Германии...

МИТЯ. Вот как?

МАРТИН. Устал жить в страхе...

МИТЯ. Это что-то новое, Мартин... а как же Ольга?

ОЛЬГА (*Гарольду*) Вот, вчера, у Бранденбургских ворот, – странно, да? – видела скрипача... Он хорошо играл, проникновенно... Я даже сказала ему: «Приходите в наш «Остров радости»». Но он промолчал. И тогда я снова повторила: «Приходите, да... нам нужен скрипач». А он сказал: «Я больше не ходок по Островам... я прощаюсь...» Я засмеялась, хотя мне стало совсем не весело, просто нужно было засмеяться: «Что за страхи такие?» – «Это не страхи... – он даже перестал играть. – Скорее пророчества: скоро в Германии не останется ни одного хорошего скрипача... Наш народ не всегда точен в словах, но когда-то у нас была музыка... А вам, любезная фрöляйн, не стоит прогуливаться одной по Берлину, да ещё в такой поздний час...» Я пошла назад к нашему «Острову радости», а он заиграл «Цыганку» Равеля, так остро, что я даже не смогла обернуться. Так пронзительно, как будто и в правду прощался... Такое чувство, что старый мир обезумел и прощается с жизнью.

МАРТИН (*тихо*) Я устал жить в вечном предчувствии смерти...

МИТЯ (*озадаченно*) А как же Ольга?

МАРТИН. А я женюсь на ней, и мы уедем в Америку... Разве ты не понял, пианист?

МИТЯ (*смеётся*) Ты опоздал, малыш...

МАРТИН. Не смей меня так называть... (*хватает его за ворот пиджака, трясёт. Митя отбивается. Смешно, по-дурацки, борются. Митя падает, Мартину неловко. Он помогает ему подняться.*) Никогда...

ОЛЬГА (*оборачивается к ним*) Да вы с ума сошли?

МИТЯ. Ничего страшного, Лёлочка... Я просто упал...

ОЛЬГА. Что за день сегодня такой? Я не могу это видеть!

(*уходит*)

(*Пауза. Гарольд настраивает контрабас. Короткие, отрывистые звуки во время всего разговора Мартина и Димитрия*).

МИТЯ. Ладно, успокойся, Мартин...

МАРТИН. Я спокоен...

МИТЯ. Ты очень наивен. Ты что, не понял – Ольга давно замужем?

МАРТИН. Нет, я не понял... О чём ты?

МИТЯ. Ольга... Что такое – Ольга? Она никого не любит, кроме этой своей жизни, ты понимаешь?

МАРТИН. Моя Ольга замужем? Что за бред? Это что – очередная метафора русского дворянчика из-под Киева?

МИТЯ. Можно сказать и так, малыш... Ах, да, извини, ты, кажется, запретил себя так называть (*пауза*). Но давай лучше об Ольге. Давай на чистоту... Ольга давно повенчалась с театром... Всё остальное для неё – игра, новые люди, новые декорации... Где бы она ни была – рядом с ней всегда окажутся контрабасист, пианист и ударник, только с другими именами... Разве ты ещё не понял? Ольга постоянно играет с этим миром, но её никогда не поймать, потому что она всегда искренна в своей игре... Если она вызывает чувства, то она искренне испытывает

их в ответ. На завтра она о них так же искренне забудет. Так её научил её русский учитель Меейрхольд...

МАРТИН. Он немец.

ДИМИТРИЙ. Неважно... Пару лет назад я случайно видел вас в Люст-гардене.

МАРТИН. Следил за нами?

МИТЯ. Нет, что ты. Это не по-дворянски... Просто шёл мимо. *(Пауза. Всё меняется. Настроение Димитрия. Настроение Мартина)* Я подошёл к вам тогда так близко, что меня сложно было не заметить... А вы всё равно незаметили... Вы видели только друг на друга, ты поправлял её ошибки в немецком языке, и она послушно, как школьница, повторяла за тобой...

МАРТИН. А ты подслушивал, да, Димитрий? Прятался и подслушивал, как отвергнутый неудачник...

МИТЯ. Нет, что ты! ...Просто я так близко сидел возле вас, что не мог не услышать... *(неожиданно печально)* И тогда – меня поразила одна вещь в Ольге... Я раньше этого не знал... такая мгновенная и даже безыскусная искренность, которой сложно, да и не нужно сопротивляться... она плохо говорила по-немецки тогда, но меня пронзило не то, что она сказала тебе, а то, как она это сказала...

МАРТИН *(удивлённо)* О чём ты?

МИТЯ. Ты даже не помнишь... а я, вот, всё видел, и всё никак не могу выкинуть из головы... Ты взял её за руку, а она сказала, слегка повернув голову и как-то рассеянно скользнув взглядом по мне, не узнавая: «Когда ты дотрагиваешься до меня, Мартин, я вся вспыхиваю... сгораю... что ты делаешь со мной? Почему у тебя такая власть?» Ну, разве так откровенно, так бесхитростно мы можем говорить с любовником на языке, в котором мы не свободны? И что оставалось тебе?

МАРТИН. Гореть в ответ... Но я не помню... Правда... Я совершенно не помню...

МИТЯ. А тебе и не надо... Тебе нужно только гореть, большего от тебя не попросят... *(пауза)* И знаешь, что я почувствовал тогда, в тот июльский вечер в Люст-гардене среди пива, фонтанов, лепета влюблённых и трепета разноцветных флажков на ветру? Это была даже не ревность... а острое, больное сожаление...

МАРТИН. О том, что это было сказано не тебе?

МИТЯ. Это было сказано и не тебе, Мартин. Она видела только свои чувства в тот момент, а ты был только поводом, чтобы они проснулись... *(пауза)* А сожаление я почувствовал только потому, что снова и снова получил по своим иллюзиям и в очередной раз поранился об эту женщину... Точно так же могло пролиться вино за соседним столиком, и внезапно заиграть музыка, и подуть ветер с реки... Её чувства проснулись бы – страстно, болезненно... Ты – только повод, мальчик из бедной и очень страшной жизни. Мы, художники, чувствуем мира только через самих себя...

МАРТИН. Ты хочешь сказать – она меня бросит?

МИТЯ. Она уже бросила тебя.

МАРТИН. Ты – неудачник.

МИТЯ. Возможно... *(усмехнулся)* Но только как бы тебе попроще объяснить... Вот представь – сильную породистую кошку, которая потягивается, играет мышцами, охотится иногда... Ты для неё – мышка... славная, милая, очень послушная мышка, к которой она даже по-своему привязалась... потом она найдёт себе мышку поинтереснее, позатейливее и забудет про тебя, умный, способный, недоучившийся Мартин Гроос...

МАРТИН *(холодно)* Да, Димитрий, я из очень простой семьи... И я понимаю только тогда, когда со мной говорят напрямую... Ольга меня бросит, а вы с Гарольдом просто так, очень снисходительно, терпите меня, потому что я – её текущий повод остро почувствовать эту жизнь...

МИТЯ. Я бы не стал так резко...

МАРТИН. Ты у нас – голубая кровь, Димитрий, ленивый, но чуткий ум... Что ещё сказать о тебе?... А моя мать была простой прачкой, она работала с утра и до вечера, чтобы дать мне то образование, которое тебе полагалось по рождению и происхождению... Но эта простая женщина была очень гордой... Она никогда никому не навязывала себя... Она всегда уходила первой... Так вот – я в неё. Я не буду ждать, когда Ольга оставит меня, а вы с Гарольдом по-дружески напоите меня пивом...

МИТЯ. Да не горячись ты так, Мартин! Сядь, посиди....

МАРТИН. Я плохо спал сегодня...Очень душно... Я не здоров...Пожалуй, мне нужно пройтись...

(В это время Ольга возвращается на сцену. Димитрий идёт к пианино, Мартин, колеблясь, к ударной установке. Ольга что-то шуточно поёт, и вдруг Мартин где-то на середине песни бросает палочки и через сцену идёт к выходу. Ольга с удивлением смотрит, вслед. Мите неловко.)

Картина четвёртая

Наши дни. Наташа и Гарольд готовятся к выступлению. Занавес «Острова Радости» на половину закрыт. Наташа выглядывает в зал.

НАТАША. Ты был прав...

ГАРОЛЬД. Я всегда прав...

НАТАША. Нет, ты только посмотри! Народу не так уж и мало.

ГАРОЛЬД. А что я тебе говорил? Ты видишь третий ряд?

НАТАША. Да, Гарольд, вижу...Их всего три...

ГАРОЛЬД. Четвёртое место в третьем ряду видишь?

НАТАША. Вижу...А что? Там сумка стоит...

ГАРОЛЬД. Да слева, слева четвёртое место...

НАТАША. Ну, мужик какой-то ... с пивом...

ГАРОЛЬД. Мужик какой-то ... с пивом...Это известный продюсер из Комише-Опер.

НАТАША. Ой, ладно тебе Гарольд! Известные продюсеры не ходят в твой бар... у них - другие маршруты...

ГАРОЛЬД. Говорю тебе – это он...

НАТАША. Он просто похож...Такой же обрюзгший пьяница, как и ты!

ГАРОЛЬД. Это он... Он. Почему ты мне никогда не веришь?

НАТАША. Моя проблема в том, Гарольд, что я тебе всё время верю... и всё время влипаю...

ГАРОЛЬД. А давай его удивим? Нам всё равно уже пятнадцать минут, как пора начинать...

НАТАША*(смеётся)* Ну, давай!

(Раздвигают вручную занавес, как в театре времён Мейерхольда, и Наташа, смешно, но на удивление мастерски, поёт оперную арию, наподобие «CrudaSorte», под контрабас. И, видимо от ветра, неплотно закрытое окно распахивается рывком. Над весенним Шарлоттенбургом – дождь. Звук майского дождя.)

Картина пятая

Майский дождь над Берлином

Прошлое. После концерта Ольги. Распахнутое окно. За окном – стена дождя.

ДИМИТРИЙ. Разве я сторож брату моему?

ОЛЬГА. Какая низость!

ДИМИТРИЙ. Дождь.

ОЛЬГА.Какая низость – эти твои цитаты! Иди за ним...

ДИМИТРИЙ. Но, Лёлочка, ты пойми: разве я могу отвечать за то, что происходит в голове у 23-ёхлетнего юнца?

ОЛЬГА. Иди за ним и приведи его назад. Ты понял, Димитрий?

ДИМИТРИЙ. Димитрий? Всегда – «Митя», «Митенька», - а тут – холодно, жестоко – взяла и отстранилась! Я не могу идти в такой ливень...

ОЛЬГА.А я не могу без него! Ты хочешь, чтобы я сама пошла?

ДИМИТРИЙ.Где я его найду?

ОЛЬГА. Где хочешь.

ДИМИТРИЙ*(холодно)* Да, я понимаю: тебе нужен ударник в нашем ансамбле.

ОЛЬГА. Мне нужен Мартин...

(Митя сухо кланяется. Уходит.)

Наконец-то дождь...Здесь всегда май холодный...Может быть, дождь затушит эти бесконечные пожары? Прольётся над полыхающим Берлином?*(подходит к окну)* Мартин мой, Мартин...Прошу тебя, вернись!

Картина шестая

ДИМИТРИЙ (*один*) Войны не будет... Войны не будет... Войны не будет... (*пауза*) Я знаю, я никчёмный смешной человек. Надо мной смеётся даже товарищ Прутиков, любитель «Интернационала»... Да, я смешной человек... Так смейтесь, потешайтесь надо мной дальше! Но никто из вас не знает, что то, что вы видите – только одна моя самая маленькая, самая ничтожная часть. И она на виду. Бесстыдно выпирает, как прыщик на чисто выбритом лице. (*пауза*) А я вам вот что скажу, вам, очерстевшим и обезумевшим, - художник – это всегда бездна. Отчаяние. Страсть и её мгновенное понимание... Эта женщина измучила меня, выпила из меня все чувства и жизнь. Она нужна мне, как воздух, и я всегда, всегда буду с ней, пока она первая не отвернётся. Я буду делать всё: служить и смешить её дальше, до самого конца, даже если будет очень страшно... Потому что любовь – это служение, нас так научила наша суровая Родина. Я служу ей через смех и буду только таким, каким она хочет меня видеть – нелепым, милым, вечно тоскующим... Она никогда не узнает, какой я на самом деле... Она – нежная. За чем ей такое?... Вот в России - Великий Пост. Начинал подтаивать снег, темнея и уплотняясь. Тягостное, как дурные предчувствия, висит охрипшее небо. И в тонком глубоком свечении рано по утру - непроснувшиеся деревья. А мы с матушкой на раннюю литургию идём. И тут жаворонок звонко чирикнул. Как по сердцу полоснул... Я говорю: «Ты тоже помнишь такое, Лёлочка? Как мы теперь без этого утреннего марша будем жить?» А она посмотрела на меня и заплакала... Тогда я закрыл от неё свою бездну, как бы тонким ледком затянул полынью... Этот тонкий ледок, как раз и есть то, над чем вы все так смеётесь... И если вдруг по грубости своей или по любопытству вы сломаете его, то увидите то, что вам совсем не надо знать про русского человека... (*пауза*) И вот ещё, что я вам скажу – войны не будет... Мы люди искусства, мы сбежали из России, чтобы выжить, мы больше не можем воевать. Мы ничего не можем дать этому миру, кроме своего знания о нём... и здесь, в Берлине, мы смешались с вами – немецкими музыкантами, поэтами и художниками, с вашим знанием о мире, которого нет больше ни у кого... Вы такие же, как мы, а мы – такие же как вы... И все вместе мы слились в остров радости, живущий по своим законам и гармониям искусства... Мы не способны, мы больше не хотим воевать, и поэтому – войны не будет... Но мы способны к другому: мы можем оценить и понять, и рассказать про малейшее ваше движение, про самый неуловимый помысел преступления... И вот тогда - бойтесь нашего суда, потому что мы, люди искусства, страшнее, всех провидцев мира. Войны не будет... войны не будет.. войны не будет... Иначе, придём мы, тихие художники, судить алчущих вас. Безжалостно и трезво... Лучшее, говорю вам, - войны не... (*обрыв*)

Картина седьмая

За зеркалом.

Прошлое. Ольга и Гарольд вдвоём сидят за столом. Перед маленькой сценой «Острова Радости» – огромное зеркало, возможно – только позолоченная с затемнениями рама от него, но в сценическом пространстве может обыгрываться - это зеркало, сквозь которое персонажи ходят сквозь времена.

ОЛЬГА (*смеётся*) Даже не знаю, что сказать...

ГАРОЛЬД. Скажи, как есть...

ОЛЬГА. Какой ты, Гарольд... Устрицы, эскарго, шампанское во льду и даже несколько орхидей в напольной вазе перед зеркалом... Как будто бы мы не в Берлине, в 30-ых, а как когда-то в юности, в Москве... И это зеркало в бронзовой раме...

ГАРОЛЬД. Зеркало только что купил на «блошинке» у беглого румына. Там рядом дворяночка из русских продавала шубу из голубого песка. Я спросил: «Сколько?» За бесценок. Молоденькая совсем, бледная, как комнатные цветы зимой. А немецкий язык – как из книжек Шиллера... Я отдал ей всё, что у меня было. И она шубу мне суёт. Я ей: «Это сейчас – лето на носу, а после лета зима придёт... Вы замёрзнете, русская барынька!» - Она смеётся, совсем как ты, Оленька: «Что вы, мой дорогой! До зимы ещё нужно дожить».

ОЛЬГА. Все доживём! (*смеётся*) Обожаю устриц и шампанское... У нас теперь – каждый день праздник.

ГАРОЛЬД. Теперь так будет всегда.

ОЛЬГА. Но почему? (*пауза*) Ты видишь - опять зарево на полнеба?... И я уже не опять понимаю, Гарольд, садится ли это солнце или снова горит Берлин?

ГАРОЛЬД. Это садится солнце, Ольга... (*задёргивает шторы*) Летнее зарево по вечерам... Это какое-то явление в атмосфере: кажется, что горит небо, но не Берлин...нет...даже не думай...

ОЛЬГА. Да пусть горит!...Не бойся ты так! А шампанское сегодня – чудесное...Кстати, где ты взял денег на всё это великолепие?

ГАРОЛЬД. Как обычно. Занял у мужа Клары. Он очень неплохой человек. Я предвзято к нему относился.

ОЛЬГА. Он, наверное, святой, если терпит тебя так долго.

ГАРОЛЬД. Согласен. Он - святой человек. Но ты лучше и об этом не думай.

ОЛЬГА(*подходит к окну*) Иногда я думаю, что мир горит, а мы - на острове...смотрим изда- лека...Как ты считаешь, Гарольд, Мартин вернётся? ГАРОЛЬД. Я бы очень хотел сказать тебе: «нет», но вынужден сказать тебе: «да...Мартин вернётся...»

ОЛЬГА. Я беспокоюсь немного.

ГАРОЛЬД. Ну, это же твои слова: « Нам нужен ударник...», и потом – когда мы хотим кого – то вернуть, он возвращается, даже если это уже не нужно...

ОЛЬГА. Так у всех...

ГАРОЛЬД. Нет, только у нас...У таких, как мы...Когда-то на войне я знал одного парня из Гамбурга. Мы вместе служили в пехоте. Славный такой... совсем мальчишка...поэт...писал ночами в блокноте, прямо в траншее...Ганс Лейп. Так его звали...Писал днями напролёт. Я как-то спросил: «Ганс, почему ты пишешь?» - «Чтобы не чувствовать смерть...» - «А что её чувствовать? Она, либо придёт, либо нет...» А он – мальчишка совсем... Он боялся... Помню один его стишок – простенький совсем, но что-то в нём было...Про девчонку по имени - Лили Марлен, по которой он так тосковал, так томился, так боялся, что больше нико- гда...(*смеётся*)Лили Марлен, славная немецкая девушка, изменила ему, наверное, на следую- щий день, после того, как его призвали... Я уже и слов давно не помню, помню, что бедняга Ганс клялся, что даже если его убьют, то он призраком после смерти вернётся к ней, и будет ждать у зажжённого фонаря, под которым они когда-то встречались... Такиепростые сти- хи,Оленька. Почти безыскусно, но проняло. За душу взяло...

ОЛЬГА. А, правда, Гарольд, что войны не будет? Все кругом говорят...

Катрина восьмая

Короткая вспышка.

Наши дни. Мы видим, как в зазеркалье приоткрывается занавес, и из-за него выскальзывает Наташа. Подходит к зеркалу. Удивлённо останаавливается. Оно – как препятствие на её пу- ти. Она внимательно вглядывается в стеклянную поверхность, возможно, - проводит по ней рукой, как будто бы сейчас сделает шаг вперёд и шагнёт в «Остров Радости» 33-его года. Красноватые сумерки майского вечера.

НАТАША(*смеётся*) Гарольд... Зачем ты так? Зачем ты вынес из подвала

это старое зеркало и даже
пыль с него не стёр?*(пауза)*...

Ты делаешь так, чтобы мне было
легко...Беззаботно, беспечально и легко
без...Без чего, Гарольд, должно мне
так легко дышаться? Я сказала вчера: я видела мельком на
ходу, на
бегу на

Эберсвальдерштрассе – просто бежала к маленькому
белому Христу за чугунной оградой . Очень
хотелось Его повидать перед тем, как мы снова приступим, ну, ты
понимаешь, о чём я... Я же жи-
ву сейчас, ну, ты сам знаешь, чем и о чём я...но я
сказала только: на

Эберсвальдерштрассе показалась
первая сирень – не слишком ли
рано для ледяной весны?

И ты сразу же наломал где-то
гибких тёмно-фиолетовых веток – не две или три, а как будто принёс

целый куст, как будто бы принёс сад, Гарольд, и он зацвёл в
 тепле комнаты, в тёплом её теле распустился упруго –
 – молодым цветением, как предчувствием
 жара, но я
 снова сказала: не слишком ли рано
 для сада? Но он страстно и властно пылал, как рана,
 которая не проходит... Гарольд, не слишком ли?... ты умён...
 я знаю, да,
 но ты так ловко научился
 прятать от меня свой ум – я знаю, да, –
 это чтобы я не скучала. И ты привык, что я
 не скучаю, и когда
 я говорю, ты
 часто шутишь, не
 дослушав... а жаль, что
 такие сильные люди, как ты часто – часто- часто
 шутят в ответ на слова,
 самые важные в жизни слова, чтобы только не
 принимать решения, Гарольд... ведь я
 права
 скажи: да, Гарольд... Я знаю, что ты
 согласишься, но, возможно, не дослушаешь и снова
 пошутишь, ведь, да? Но нет – теперь
 дослушай до... Сама не знаю до
 чего... Мне раньше
 снился сон как будто всё совсем как в жизни,
 но неумовимо не так:
 вроде бы зеркало на месте, стойка бара с невытой посудой, стулья так и оставлены на ночь –
 их забыли поднять на столы, и убрать свечки-таблетки тоже забыли, и даже веткам сирени в
 вазах не поменяли воду, а ведь они так быстро...
 И тут... слушай меня, потому что,
 ты раньше, Гарольд, только скучал или шутил...
 Но в этом сне, мы вдвоём, вручную раздвигали
 занавес, совсем как...
 обычно...
 когда тебе вдруг так хочется
 попилить твой контрабас, мы раздвигаем занавес –
 - две тёмно-бордовых бархатных шторы с кистями,
 купленных на «блошинке»... Но, Гарольд, там во сне
 всё было иначе: чёрные арапчата на белом снегу играли
 в снежки... И я всё думала: где же я видела, или откуда я
 помню, пока однажды... Так говорить тебе дальше?
 Почему ты молчишь? (*пауза*) Пока однажды не вспомнила,
 как в какой-то далёкой жизни – я была актрисой и стояла на сцене, а
 мейерхольдовы арапчата, точно так же, как мы с тобой, Гарольд, вручную,
 раздвигали занавес... Об этой жизни я не знала ничего... Мы же не
 знаем, почему мы дышим. Мейерхольдовы арапчата...
 Они не только раздвигали занавес –
 безымянные слуги-статисты,
 с лицами, вымазанными сажей, -они
 соединяли самые эфемерные мысли о театре
 с грубой физической жизнью.
 Маленькие опорные колёсики
 в огромном сложном механизме... в той жизни
 я очень любила любить... И ещё, вторая вспышка, ты слышишь меня, Гарольд?
 Только скажи, хотя бы кивни головой...
*(В это время Гарольд, неважно из прошлого или настоящего, подходит к зеркалу, с другой
 стороны и замирает перед Наташей).*

На последнем допросе –
– он в чём-то там должен был им признаться –
– признался или нет и в чём
– неважно – на последнем допросе
Мейерхольда были по ногам
металлическими прутьями, так,
что его ноги превратились в кровавое месиво,
и он сам не мог идти к месту казни. Его волокли...А потом
сбросили в общую яму и залили
хлоркой, чтобы скорее разъело, чтобы
месиво не смердело при первой
весенней оттепели... Гарольд...

ГАРОЛЬД. Да?

НАТАША. Какое зеркало странное...Посмотри, какие мы...Кто смотрелся в него до нас? Та-
кое чувство, что ты где-то совсем рядом. Очень близко. А сам, наверное, пьёшь на Розентал-
платц где-нибудь с Фергусоном... А я...ты знаешь, я скучаю по тебе... *(пауза)* Они что, такие
же были? Такие, как мы?

ГАРОЛЬД *(тихо)* Да...

НАТАША. «Мейерхольдовы арапчата затевают опять возню»...

*(Неожиданно сверху срывается снегопад чёрно-серого пепла. На сцене – голые по пояс Ди-
митрий и Мартин – как дети под первым снегом, затевают борьбу, обмазываются пеплом, и
становятся чёрными, как сажа или как глухая майская ночь в Берлине, а потом вдруг зами-
рают в страшных неестественных позах, как люди, которых сожгли заживо).*

Картина девятая

За зеркалом (продолжение).

Прошлое. Ольга и Гарольд. Ночь. Вспышка света.

ОЛЬГА. Какое зеркало странное... Посмотри, какие мы...Наши отражения не успевают за
нами.

ГАРОЛЬД. Это одна из примет, по которой мы понимаем: Господь Бог ускорил время, чтобы
люди не забывали, что они смертны. Время убыстрилось для нас, но не для наших отражений,
вот они и не успевают за своими хозяевами.

ОЛЬГА. Стыдись, Гарольд! Это не ты. Это Сева Мейерхольд говорил нам в Москве двадцать
лет назад.

ГАРОЛЬД. Так времени нет, Оленька!

*(Вваливаются Мартин и Митя. Возможно, просто перешагивают через зеркальную раму и
оказываются перед Ольгой и Гарольдом. Димитрий цепляется ногой за раму, спотыкается,
налетает на Мартина, тот его поддерживает. Оба пьяны. Оба – голые по пояс. Оба – пере-
мазаны сажей).*

ОЛЬГА. Ну и где вы были?

ДИМИТРИЙ. Мы гуляли по городу, Лёлочка, и очень многое обсудили ...

ОЛЬГА. Помолчи, Митя...

ДИМИТРИЙ. Может быть, мне, вообще, уйти?

ОЛЬГА. Так где вы были?

МАРТИН. В аду...*(подходит к Ольге, рывком обнимает её)*

ДИМИТРИЙ. Я так и знал... так и знал...

ГАРОЛЬД *(Мите, отвлекая)* Хочешь сигарету? *(Протягивает ему пачку. Митя рассеянно
мнёт сигарету в пальцах, рассматривает её так, как будто видит в первый раз. Гарольд
подносит зажигалку)*

ДИМИТРИЙ. Я не курю, ты разве не знаешь?

ГАРОЛЬД. А напрасно...Курение расслабляет... правда, ненадолго...

ДИМИТРИЙ. Это ты мне, мне говоришь?*(неожиданно печально, без суеты)* Говорят, перед
Великим Потопом люди ходили и угощали друг друга маленькими порциями воды, и тот,
древний мир погиб в воде. А сейчас люди ходят и угощают друг друга огнём, из этого сам со-
бой напрашивается вывод, что наш мир...*(смотрит на Ольгу и Мартина)* А малыш
прав...Мы были в аду...

МАРТИН *(устало)* Я же просил тебя...

ДИМИТРИЙ. Там, на Опернплатцвовсю идёт протест против «негерманского духа...» - «WiderdenundeutschenGeist!». Двенадцать тезисов национал-социалистов о том, что есть – немецкий дух, а так же – их взгляды на литературу.

ГАРОЛЬД. Всего двенадцать тезисов? Немного... У Лютера их было 95...

ДИМИТРИЙ. В отличие от Лютера, национал-социалисты не любят долго говорить... Зато у них прекрасный нюх. Они очень хорошо знают, как должен пахнуть истинный немецкий дух.

С их точки зрения, он пахнет серой и огнём...

ГАРОЛЬД(*мрачно*) Как бы не потянуло горящей человеческой плотью...

ОЛЬГА. Да что же происходит, наконец ?

МАРТИН. На Опернплатц – костры... Сжигают книги... Толпа беснуется.

ОЛЬГА(*Гарольду*) Так ты знал?

ГАРОЛЬД. Да.

ОЛЬГА. Почему ты молчал?

ГАРОЛЬД. Я не хотел, чтобы ты боялась...

МАРТИН. Я не закончил университет...

ДИМИТРИЙ. Мы знаем...

ОЛЬГА. Митя, помолчи!

ДИМИТРИЙ. А что мне ещё остаётся? (*нервно*) Говорят, тонуший, в последние секунды перед смертью от нехватки воздуха испытывает несказанное блаженство... Это – как последняя милость... Дождя бы сейчас! Эх, пролился бы над всеми алчущими! Гарольд, Гарольд...

ГАРОЛЬД. Чего?

ДИМИТРИЙ. А дай-ка мне всё-таки твою сигарету... (*Оба курят. Димитрий кашляет, забывая кашлем иногда рассказ Мартина*)

МАРТИН. Я не закончил университет...

Дочился только до третьего курса... у нас в университете был один профессор-поляк, специалист по немецкой литературе...

по немецкому духу, как сейчас говорят... И, замечу, очень и очень

хороший специалист. Это я, как немец, вам всем говорю... Вот помню до сих пор,

как он на кафедре

диктует списки литературы:

Томас Манн, Генрих Манн,

и этот мистик – Густав Майринг...

А мы – молоды. У нас – очень много сил,

мы просто пьяны от переизбытка наших сил

и обещания грядущего счастья. Мы все

марксисты, как и наш профессор-поляк... Мы не просто

любим, мы боготворим его, потому что он

может научить нас... Мы ловим его каждое слово...

Он говорит: Густав Майринг – мистик, а рядом со мной

сидит Ганс Хохензее, верный мой товарищ и собеседник...

Слово «мистик» вызывает у него снисходительную улыбку..

Наш польский профессор говорит, что романтизм – это молодость

культуры, что это – либо глупость, либо – жестокость, -

– и мы жадно ему внимаем – он говорит, что

романтизм

прекрасен для искусства, но неприемлем для жизни,

и что идеи Адольфа Гитлера

сродни наивному слепому романтизму... –

– но это только, как отступление во время лекции... –

– мы аплодируем, особенно старается мой

славный товарищ Хохензее, как ещё он может выразить свой

молодой восторг? Но наш профессор

поднимает руку, чтобы мы замолчали,

и мы замолкаем... «Тухольский, –

продолжает он, – Зигмунд Фрейд, Эрих Кестнер,

Эрих Мария Ремарк...»

А тут – на Опернплатц, –
О, как быстро перековались наши студенты! –
я многих помню в лицо... Прошло не так много
времени... А тут на Опернплатц
горят костры, и я первым делом
узнаю славного своего товарища Хохензеа,
у которого от ровных белоснежных зубов
бойко отлетают
огненные речёвки: «Долой...
Томас Манн, Генрих Манн, Густав Майринг и Эрих Керстнер...
Долой декадентство и моральное разложение! Прах- к праху...
Я бросаю в огонь ваши сочинения...
Нет — писакам, предающим героев
мировой войны. Да здравствует воспитание молодежи.
Пусть будут очищены дымом
сочинения Эриха Марии Ремарка.
Нет — наглости и самоуверенности.
Да — уважению и почтительности
к немецкому народному духу.
И да поглотит пламя
сочинения Тухольского...»
Славный мой товарищ,
Ганс Хохензее! Я не видел тебя
Почти три года,
И лучше бы я не увидел тебя никогда!
Зачем мне знать, что люди
способны на
такие разительные перемены?
Ведь не увидели же мы с тобой
больше
никогда нашего польского профессора,
как мы его ни искали!
Он увлёкся идеями
русской революции и
уехал в новое сильное и очень молодое государство,
называвшееся когда-то
Россией, и дальнейшие его
следы теряются... Как сказал ты,
мой верный товарищ Хохензее,
бывший марксист, холодно и
блестяще осмеявший романтизм и всю остальную
бесполезность
искусства: «...дальнейшие следы нашего профессора неразборчивы
на
прибрежном
песке...»
Я так и не закончил университет,
Я слишком полюбил (*Ольге*)
музыку...
ОЛЬГА (*подходит к окну*) Одного не пойму: если город в огне, то зачем зажигают фонари?
Чтобы убежать было светлее?

Картина десятая

Ночь в неизвестном времени. Димитрий и Мартин вдвоём, пытаются говорить шёпотом, но постепенно переходят на крик.

Позже – Наташа.

ДИМИТРИЙ. Вот ты вспомни: Господь бесконечно испытывал Иова. Хотя ты не помнишь, конечно же, Мартин. Ты же у нас – марксист.

МАРТИН. Лучше сразу заткнись, а?
 ДИМИТРИЙ. Немец.
 МАРТИН. Русский.
 ДИМИТРИЙ. Лютеранин – марксист.
 МАРТИН. Да, это так... И горжусь!
 ДИМИТРИЙ. Нашёл чем...
 МАРТИН. Честью.
 ДИМИТРИЙ. Честь Лютера относительна.
 МАРТИН. Зато безотносительна его смерть за его дело. Лютер указал самый короткий путь к Богу.
 ДИМИТРИЙ. И зачеркнул все остальные. Он упразднил христианство. Свёл его к минимальным потребностям.
 МАРТИН. Возражаю, Димитрий. Минимальная и единственная потребность – это Бог! Лютер очистил христианство.
 ДИМИТРИЙ. Возражаю, Мартин. Только что мы видели, как на Опернплатц была очищена дымом немецкая литература.
 МАРТИН. Но ты не смеешь...
 ДИМИТРИЙ. Тихо!
 (*Входит Наташа*).
 НАТАША. Нет, ну это же надо так орать! Гарольд, Фергусон, утихли оба! Я спать не могу. (*Пытается включить свет, но лампа не включается, только мигает*). Ещё и сломали всё! Завтра при свечках сидеть будем... (*уходит*)
 МАРТИН. Ты слышал, да?
 ДИМИТРИЙ. Да. (*шёпотом*) Я только хотел сказать, что ты – лютеранин...
 МАРТИН. (*шёпотом*) И что?
 ДИМИТРИЙ. А то что вы, лютеране, не признаёте святых... Вот как у нашего человека взять и отобрать Серафима Саровского или блаженную Ксению? Ладно, допустим их ты не знаешь... Но вы же вышли из католиков.
 МАРТИН. (*гордо*) Мы от них отделились!
 ДИМИТРИЙ. Да какая разница, Мартин? У вас был святой Франциск Ассизский. А теперь его у вас нету. Как вы справляетесь без него? Вот ты знаешь, кто такие святые, а?
 МАРТИН. Кто?
 ДИМИТРИЙ. Святые – это друзья Бога... Вот мы с тобой друзья, да? А те – с Богом дружат всею своею душой. И показывают нам, простым людям, как коротко и кротко, без раздумий, к Нему идти. А у вас только Лютер. Оскорбил всех, обличил без разбору, и, понятное дело, - в костёр...
 МАРТИН. Вот что ты ко мне пристал, а? Разве мы плохо с тобой сидим, Димитрий?
 ДИМИТРИЙ. Сам не знаю... Я только хотел сказать: давай выпьем за наше дело! Ради него стоит жить. Тебя в жизни предадут все: возлюбленные, родственники... Но тебя никогда не предаст то дело, которому ты служишь. Искусство – это иллюзия. Мечта о жизни. Мираж. Так распорядился Господь. А «Господь...» - как известно...
 МАРТИН. (*внезапно переходит на крик*) «... Пастырь мой, и я ни в чём не буду нуждаться...»
 НАТАША. (*сверху*) Вы заткнётесь или нет?

Картина одиннадцатая

Прошлое. Раннее утро в «Острове радости». На стульях в одежде спят Митя и Мартин. Стол заставлен пустыми бутылками и бокалами. Митя просыпается, наливает остатки шампанского, быстро выпивает... Пианино слегка отодвинуто от стены, и за ним, прикрывшись пледом, сидит скатертью, спит Гарольд.
 МИТЯ. У меня болит голова...
 МАРТИН. Это называется похмелье.
 МИТЯ. Ты думаешь?
 МАРТИН. Я просто уверен, Димитрий!
 МИТЯ. А всё равно – приятно, очень приятно быть пьяницей... Такой постоянный восторг, скажи?
 МАРТИН. (*мрачно*) Вчера мы пили сидр... Очень много... А потом – шампанское... потом – всё остальное...

МИТЯ. Лучше наоборот?

МАРТИН. Как говорил мой бывший друг и бывший марксист товарищ Хохензее: «Лучше не мешать!»

(Входит Ольга. Она только что проснулась. Очень взволнована)

ОЛЬГА. Гарольд! Где Гарольд? Мне только что приснился сон...

МИТЯ. Что тебе приснилось, Лёлочка?

ОЛЬГА. Мне нужен Гарольд...

МАРТИН *(мрачно)* А ты был прав, Димитрий, предадут все...

МИТЯ. Нашей Лёле приснился сон, но ей не достаточно слушателей... Мы тебя не устраиваем?

ОЛЬГА. Нет... *(садится за пианино)* Где Гарольд? *(берёт аккорд)*

ГАРОЛЬД *(поднимается из-за пианино)* Нельзя ли потише? Я только что лёг.

ОЛЬГА. Какое интересное место ты выбрал.

ГАРОЛЬД. Все остальные места были заняты, Ольга.

ОЛЬГА. Мне приснился сон, Гарольд! *(берёт следующий аккорд)*

ГАРОЛЬД. Я понимаю всю важность происходящего, но можно не сейчас?

ОЛЬГА. Ганс Лейп...

ГАРОЛЬД. Что ты сказала?

(пауза)

ОЛЬГА. Сама не знаю... Я сказала: Ганс Лейп... Я проснулась, но не наяву, а как бы проснулась во сне, от сильной тревоги... Ты слышишь меня, Гарольд? Ты, как обычно, молчишь... Мне снилась музыка, мне снилось, что времени нет, что я иду по улице. Я – девочка-подросток. Мне 18-ть лет. И моё имя... Мне холодно. Срывается снег... Моё имя Лили Марлен. У меня голые ноги с разбитыми коленями. Я бежала за машиной, которая увозила от меня моего любовника. Я падала на бегу. Мой любовник мой больше ко мне не вернётся. Он умер раз и навсегда, и я, Лили Марлен, обнимаю пустой воздух... потому что мёртвые никогда не встают из могил. У меня туфли с резиновыми калошками. Раны саднят. Мне холодно. Срывается снег. Никогда не верьте обещаниям! Ваши любовники не придут к вам после смерти... И эта музыка, как предчувствие... Но я не хочу знать чего... Она выпила мою душу до дна... Ты слышишь меня, Гарольд? Найди Ганса Лейпа... Ты слышишь меня? Времени нет... Скажи ему обо мне...

(Во время монолога Ольга играет импровизацию, в которой явно проступает тема «Лили Марлен». Получается, что это – самое первое исполнение в мире, страшное предвестие будущего. Сверху на неё золотой воронкой льётся фонарный свет...)

Картина двенадцатая

Наши дни. Гарольд- Наташа. Наташа сидит на перекладине зеркальной рамы, как на качелях. Гарольд толкает её, она раскачивается, как бы пролетает сквозь времена.

ГАРОЛЬД. Наташа, это только начало...

НАТАША. О да, Гарольд! А что мы такого сделали?

ГАРОЛЬД. Мы рассказали про Ольгу... Прожили несколько мгновений её жизни...

НАТАША. Да, Гарольд. Три кошки в зале были в восторге.

ГАРОЛЬД. Давай оставим тему кошек. Ты же знаешь... все эти намёки мне неприятны...

НАТАША. Ну, конечно, дорогой!

ГАРОЛЬД. Понимаешь, я сначала верил в тебя, но я не верил в Ольгу. Потом я верил в Ольгу, но не верил в тебя. Теперь я верю в вас обеих... Ведь времени нет для таких, как мы...

НАТАША. Да, Гарольд... времени нет, вообще... Но прости мне мою меркантильность...

ГАРОЛЬД. А что такое?

НАТАША. А тот продюсер из Комише – Опер, для которого мы так пели, - он, действительно, продюсер или просто похожий забулдыга с соседней улицы?

ГАРОЛЬД *(суетливо)* Это ты о ком?

НАТАША. Там, в заднем ряду, сидел человек в очень хорошем костюме. Он показался мне знакомым.

ГАРОЛЬД. А это – Фергусон начал новую жизнь...

НАТАША. То-то я смотрю – он был в твоём костюме...

ГАРОЛЬД. Дорогая, я же не мог ему отказать... Кстати, Фергусону очень понравилось...

НАТАША. Да, Гарольд, это очень важно.

ГАРОЛЬД. Знаешь, сколько их ещё будет, этих продюсеров?

НАТАША. Сколько?

ГАРОЛЬД. Толпы.

НАТАША. А когда?

ГАРОЛЬД. Думаю – скоро... А пока -давай продадим зеркало на «блошинке»? Сходим куда-нибудь... К французам с устрицами и шампанским... Тебе же нравится?

НАТАША. Даже не знаю...Мне и зеркало очень нравится...*(Входят Митя и Мартин - два призрака из прошлого. Становятся рядом с Гарольдом, раскачивают зеркальную раму, как на военных фотографиях: девушка на качелях и парни в форме за ней, которых только что призывали, и они зашли проститься.И тут же, как трубы Апокалипсиса, грозная музыка войны. И тут же – выстрел. На груди, по тонкой рубашке Гарольда, расплывается кровавое пятно. Летит пепел, и пианист Димитрий чернеет и застывает, как человек, сожжённый в печах концлагеря. Юноша Мартин достаёт пистолет и стреляет себе в рот...)*

Картина одиннадцатая.

Наташа одна – на пустой сцене. Перед ней в беспорядке – тетради, исписанные от руки, письма, документы. Мерцает ночник.

НАТАША. А сложно, однако, читать по-русски...

(Входит Фергусон)

ФЕРГУСОН. Детка моя, Оту, ты здесь? Над Берлином – дождь. Я вымок до нитки.

Занавес